

ПОСВЯЩЕНИЕ В ПРИЗРАКИ

Сурен Тер-Авакян

Дул встречный ветер с мелкими, искрящимися в свете фар снежинками. Машина шла довольно ровно, изредка встряхиваясь на небольших ухабах. Стояла зимняя ночь, но тяжёлое небо стального цвета всё же скупо освещало землю. Слева от дороги темнел лес. Чёрные сосны, словно вырезанные из бумаги, медленно уплывали назад.

"До дома ещё полчаса". - подумал Георгий и встряхнул головой. Глаза его слипались. Устало зевнув, он чуть приоткрыл форточку, впуская в машину гудящий морозный воздух. Стараясь бороться с наваливающейся дремотой, крепче сжал рулевое колесо. И тут, почему-то, вспомнил сегодняшний вечер.

Тёплая, светлая комната. Большая часть гостей разошлась. Хозяйка, не торопясь, убирала со стола посуду.

- Погодите, Антонина Степановна! - Георгий взял салатницу и переложил содержимое себе в тарелку.

- Ох, приятно смотреть! - воскликнула Антонина, убирая пустую салатницу. - Вот так и надо, ничего не оставлять! Тебе жаркое ещё положить?

- Давайте! - с набитым ртом согласился Георгий. - Что-то аппетит разыгрался,- обратился он к Роману. Потом наклонился к нему, чтобы тот лучше услышал за звуками телевизора и твёрдо сказал:

- В общем, решено! Ты, как?

- Я-то не против, - протянул Роман и отпил из рюмки коньяк. - Странно как-то, - неуверенно добавил он. - Фиг его знает.

- Слабое сердце! - засипел Георгий, сдвигая на груди цепочку, будто она мешала ему говорить. - К нему вторую неотложку вызывали! - радостно улыбаясь и оглядываясь в сторону, сообщил он. - Не выдержит! И никто! Слышишь?! Никакая экспертиза! Ха-ха!

Георгий зачем-то глянул под стол и с жаром поведал: - Я уже вторую ночь не сплю. Аж вон глаза красные. А сегодня утром увидел...

- Чего увидел?

- Да так... Показалось... - Георгий вдруг замер, задумавшись, напряженно растирая на груди цепочку, отчего на коже появились красные пятна. - К утру почувствовал себя как-то погано. Вроде кто схватил за сердце и ждёт, как я решу. И тогда я сказал: "Убью! Или он, или я!" - и всё прошло.

- Сколько, ты говорил, у него? - спросил Роман.

- Я же говорю, - Георгий опять оглянулся. - Двадцать тысяч баксов. Это точно. Он же всё продал. Машину, квартиру, мебель. Теперь хочет на природу, на отдых. Но ничего! Мы ему устроим отдых.

Роман задумчиво постукивал ногтем по тарелочке.

- Ты вообще-то молодец, интересно придумал. - наконец проговорил он.

- А как же! - Георгий тут же оживился. - Я ж над этим недели две думал, чуть голова не опухла. Как только узнал, что он продаёт квартиру с машиной и хочет купить дом с

участком за двадцать тысяч баксов, так всё места себе не нахожу. Я ведь эту сволочь с самого детства ненавижу.

- Он в твоём подъезде живёт?

- Ну да! Что не видел? Двумя этажами выше, на пятом. Я ж его кислую рожу почти каждый день вижу, уже лет двадцать, наверное... Уверен, это он на отца моего тогда накапал! А когда отца посадили, делал вид, что нам помогает, всё к матери подъезжал. Ремонт даже помог устроить.

- А может не он на отца твоего накапал? Мать твоя как к нему относилась?

- Как, как - никак. Спилась да померла. Не он, говоришь. Да ты на его рожу посмотри! Это же не человек, а мышшь аппаратная. И даже если не он, всё равно таких душисть надо. Я бы их всех перевешал!

- Мдааа, - протянул Роман, - всё это очень интересно... И риск, действительно, минимальный. - он пристально посмотрел в горящие глаза Георгия.

От этих слов Георгий распалился вовсю.

- Если всё провалиться - то мы пошутили, а нет... - он схватил цепочку рукой и повертел шейей. - У него ведь никаких родственников. С женой не живёт, лет десять. Детей нет. Всё шито-крыто. Нет, дело верное. Доллары на дороге не валяются, да и пивок таких, как он, уничтожать надо. Душу бы заложил, только бы увидеть его болтающимся на верёвке.

- Такой вариант нам не подходит. - заметил Роман, потом взглянул на покрасневшую грудь Георгия и, улыбнувшись, хмыкнул.

- Что, мешает? - спросил он кивая на крестик Георгия. - А как же не убий?

- А-а, это! - протянул Георгий, - точно, мешает! А я думаю, что мне мешает. Бабка - дура приучила. А мы, вот так!

Он дёрнул за цепочку и сорвал её с шеи.

- Ага! - сказал он весело глядя на Романа. Затем схватил со стола высокую зелёную рюмку, выплеснул остатки в стоящий рядом бокал, крестик с цепочкой бросил в рюмку и налил в неё водку.

- Вот так! - воскликнул он и подмигнув Роману выпил.

- Эй, Жорка! - Василий Сергеевич расхохотался, показывая с другого конца стола в его сторону вилкой. - Смотри! Вмазал! А говорил - за рулём,

- Жор, ты что! - воскликнула Антонина с деланным беспокойством. - Тебе ж домой возвращаться.

- Не беспокойтесь, Антонина Степановна. Я меру знаю. - Георгий снова наполнил рюмку и выпил.

- При чём тут мера. - почему-то обиженно возмутилась Антонина Степановна, собирая со стола посуду. - Вот остановят тебя, не дай Бог, конечно. Что будешь делать?

- Ничего, ничего, - Георгий встал из-за стола вытирая ладонью губы. - В такую ночь, да по такой дороге... Какая может быть милиция?! - и тут же обратился к Роману - Ну ты как? Будешь действовать?!

- Хорошо! - Роман поднялся следом. - Мысль необычная и потому возможно верная. Сегодня же узнаю, кто продаёт ему дом, и завтра, с утра, попробую с ними встретиться. Пошли, провожу до машины. По дороге поговорим.

В этот момент Василий Сергеевич перегнулся через стол.

- На, возьми, - сказал он супруге, протягивая к груди тарелок на её руках свою пустую с рюмкой на ней и неуклюже бросил сверху.

- Ах, ты! - воскликнула от неожиданности Антонина, удерживая равновесие. Посуда наклонилась вбок, и тарелка Василия Сергеевича вместе с рюмкой полетели вниз. Со звоном и одновременно с криком Антонины разлетелись вдребезги. Звон этот был похож на визг тормозов, а крик дикий и истеричный. Всё потемнело вокруг, и вновь раздался дикий крик. Георгий окончательно очнулся и понял, что машина не движется, что он заснул и машинально нажал на тормоз от того, что кто-то кричал. Он лихорадочно взглянул вперёд, наклонившись к лобовому стеклу, но никого не увидел и тогда понял, что крик раздавался слева, со стороны леса. Тут он и заметил меж чёрных стволов деревьев фигуру человека, размахивающую руками. Приглядевшись, он остолбенел, потому что увидел, что это женщина, причём в лёгком белом не то платье, не то сорочке и с бутылкой в левой руке. Чувствовалось, что она пьяна и кроме того, совершенно одна. Георгий открыл было дверь, но тут же замер, озираясь по сторонам. "Не приманка ли это" промелькнуло в голове. Но никого вокруг не заметил, и тут же обмер опять, потому что услышал совершенно отчётливо её голос.

- Эй, парень! - крикнула она развязно, размахивая бутылкой. - Иди сюда, выпьем! Отдохнёшь с дорожки, - и громко расхохоталась.

Тут всякое желание выходить из машины у Георгия пропало, и сделалось совсем не по себе. "Вот ерунда!" - пронеслось у него в голове. Он захлопнул дверь и ещё раз посмотрел в сторону леса и опять увидел её, но уже совсем близко с совершенно белым и, как ему показалось, даже синим лицом, с безумно горящими глазами. Она подняла правую руку, в которой сверкнула изумрудом высокая рюмка. Потом преподнесла бутылку к губам и, неаккуратно опрокинув, выпила из неё, обливая губы и подбородок, и снова расхохоталась.

Машина рванула вперёд. Забыв обо всём, Георгий выжимал акселератор до предела.

- Ещё встретимся! - донеслось сквозь свист ветра.

- Сумасшедшая! - вырвалось у него осипшим от страха голосом. - Во попал! - Он переключил скорость и повёл машину ровнее, ошалело глядя в зеркальце заднего вида. Лес неожиданно оборвался, и дорога, как бы огибая его, свернула влево. Асфальт кончился. Машину неистово затрясло, кидая из стороны в сторону. Но Георгий не сбавлял хода. Отъехав на достаточно большое расстояние он начал было успокаиваться, как краем глаза уловил в лесной чаще мелькнувшее белое пятно.

- Сука! - в сердцах выкрикнул он, оглядываясь вокруг.

- Вот сука! - опять повторил он. - Чтоб тебя! - он переключил скорость и добавил газ. - Расскажешь, ведь не поверят!

Справа появилась деревня. Вдруг машину тряхнуло особенно сильно, она сначала подскочила вверх, а потом ухнула вниз, отчего у Георгия ёкнуло внутри. И с треском врезалась носом в землю. Двигатель заглох, и, чуть просев машина замерла.

Георгий медленно приходил в себя.

Голова его была разбита и гудела, как колокол. Перед глазами стоял серый туман. Липкие от крови глаза с трудом разлеплялись. Придя в себя окончательно, он включил зажигание. Двигатель надсадно взревел, машина качнулась и заскользила колёсами на одном месте, не думая трогаться. Ослабевшей рукой Георгий с досадой стукнул по рулю, нашарил под сиденьем гаечный ключ и вышел из машины.

Колёса прочно сидели в неглубокой, но отполированной яме. Стуча зубами от холода, он оглянулся по сторонам, ища, что можно было бы подложить под колёса. Ничего не найдя, направился к стоящему невдалеке двухэтажному особняку. Взглянув на него, Георгий сразу понял, что он не жилой. Обширный двор был обнесён когда-то оградой, от которой почти ничего не осталось. Не сразу замеченный, дряхлый, словно вросший в землю сарай неожиданно выплыл перед ним из темноты. Низкое и грязное его окошко, тускло освещённое изнутри, роняло на снег еле заметный мерцающий свет. В этом свете Георгий различил запорошенные снегом доски. Подобрав их, он подошёл к окошку и осторожно заглянул внутрь. И тут же холод, но не внешний, а мерзкий внутренний, пробежал волной по его телу и застрял в горле перекрыв дыхание.

В сарае, прямо перед окошком, болтаясь на верёвке, висел обнажённый труп мужчины, с жёлтым восковым лицом, ногу которого обгладывал гигантский боров, хрустя и причмокивая. И было жутко именно от того, что лицо мёртвого при этом безобразно гримасничало, изображая боль.

Георгий будто примёрз взглядом к этой картине. Но тут мутная пелена захлестнула его глаза. Он отшатнулся, и еле чувствуя ноги, кинулся к машине. Как мог, быстро засунул под колёса доски. Включил зажигание и на удивление себе сразу же выехал из ямы.

Весь последующий путь, с дикой тряской, прыгающим светом фар, болью в голове, смешался в его мозгу в какую-то одну огненную кашу.

Георгия разбудил резкий телефонный звонок. С трудом поднявшись, он подошёл к аппарату и снял трубку.

- Алло, - еле выговорил он.

- Вставать пора, Жора. За дело, - сказал женский голос.

- Кто это? - пытаюсь сообразить с кем разговаривает, спросил он.

- Не узнал? - радостно ответила трубка.

Георгий лихорадочно пытался вспомнить, кому мог принадлежать этот голос.

- Кто это? - крикнул он и сморщился от боли, пронзившей его голову. В трубке молчали. Он подёргал шнур, постучал по аппарату. Послышался слабый треск. Но, как только он положил трубку, вновь прозвенел звонок, от которого он вздрогнул, как ужаленный.

- Алло! - сказал он шёпотом.

- Алло, Жора! Это я, - услышал он голос Романа.

- Привет, - прохрипел Георгий и облегчённо вздохнул.

- Где ты был? Я звоню с самого утра.

- А сколько сейчас?

- Уже двенадцать. Я думал ты не доехал вчера. У тебя всё в порядке? Как добрался?

Георгий попытался вспомнить, как оказался дома, но ровным счётом ничего не вспомнил.

- Не знаю, - сказал он честно. - Хоть убей, ничего не помню, - и сморщился от боли. - Голову где-то разбил.

- Машина в порядке?

- Ты лучше приезжай, - Георгий опустил на стул. - Здесь поговорим.
 - Хорошо, буду в час, - ответили в трубке и пошли короткие гудки.
- В ванной Георгий потрогал ушибленное место и умылся.
- Пора за дело, - сказал он, глядя на своё отражение.

У подъезда Николай Фёдорович поздоровался с сидящими на скамейке женщинами. Медленно, несколько раз останавливаясь, поднялся на пятый этаж и повозившись с замком, вошёл в квартиру. Стены пустых комнат звонко отражали звуки шагов. По полу были разбросаны обрывки грязных бумаг и другой мусор, какой обычно сопровождает всех переезжающих.

Николай Фёдорович устало опустил на кровать, одиноко стоящую в комнате. Отдышавшись, он прошёл на кухню и зажёл газовую плиту. На лестничной площадке хлопнула дверь, послышались голоса, и раздался звонок в прихожей.

- Входите, открыто. - крикнул Николай Фёдорович, выглядывая из кухни с чайником в руке.

- Это я вас беспокою, - услышал он женский голос из коридора. - О-о! У вас уже совсем пусто, - в голосе почувствовалось разочарование. И через секунду на кухне появилась очень подвижная, молодая женщина.

- Здравствуйте, Николай Фёдорович.

- А-а, Марина. Здравствуйте, - сказал Николай Фёдорович, оборачиваясь к вошедшей. - Как видите ничего не осталось, только вот кухонный гарнитур.

- Как же, так быстро?

- Так ведь квартиру я продал. Мне здесь задерживаться теперь никак нельзя. Вот по дешёвке всё и раздал.

- Когда же вы уезжаете? И куда?

Николай Фёдорович придвинул к женщине стул.

- Садитесь, - предложил он. - На днях, наверное. Осталось только деньги за дом отдать. Устал я от городской жизни. А это будет свой дом, земля. Мебель там своя, с собой везти не надо.

- Ну что ж, хорошо... Знаете, я наверное, стулья возьму. Ножки крепкие. У меня как раз на кухне не хватает двух. - Марина встала, подошла к шкафчику, висевшему на стене, и открыла дверцу.

- Берите, берите, - поспешно вставил Николай Фёдорович, - А цену сами назначите, сколько сможете. И шкафчик возьмите, -Я ведь с собой ничего брать не буду.

- Ой, спасибо, Николай Фёдорович, - явно довольная Марина взяла стул в руки. Покажу мужу и о деньгах с ним поговорю.

И быстро вышла из квартиры.

Георгий взял бутылку клея. Нашёл стопку белой бумаги. Набрал в тазик тёплой воды. Разложив всё это на столе перед зеркалом, он стал отрывать от бумаги мелкие кусочки и, смачивая водой, лепить себе на лицо. Через некоторое время лицо его полностью было залеплено бумагой. Открытыми остались лишь глаза, губы и ноздри.

Мокрая бумага приятно холодила лицо и боль в висках, с утра не дающая покоя, заметно стихла. Георгий продолжал слой за слоем наносить бумагу, смазывая её в клею, пока не почувствовал, что достигнута необходимая прочность. Неожиданно ему почудилось, что свет в комнате несколько померк. Хлопнула форточка на балконе, и вновь усилилась боль в висках. Чтобы лучше разглядеть себя в ослабевшем свете, Георгий ближе наклонился к зеркалу и тут же замер.

Было в зеркальном отражении что-то непонятное, заставившее его оцепенеть. Присмотревшись внимательнее, Георгий вдруг понял, что из-под маски смотрят на него совсем чужие глаза, да и под маской, чувствовалось, было не его лицо. Одним словом, из зеркала на него смотрело не его отражение и при этом, как ему показалось, глумливо улыбалось.

С глухим стоном Георгий отпрянул назад, схватив маску руками и сорвал её с лица. В это же мгновение зеркало качнулось и, свалившись на край стола, хотя и было от него далеко, полетело вниз, унося с собой отвратительное видение и с треском разлетаясь на кусочки. И тут же в прихожей раздался звонок. Но только когда он прогремел второй раз, Георгий сообразил, что нужно открыть дверь.

Когда Роман вошёл в комнату, он сразу же заметил некоторый беспорядок.

- Как у тебя дела? - спросил он, перехватывая шальной взгляд Георгия.

- В порядке. С головой только что-то.

- Ух, ты! - воскликнул Роман, вглядываясь в лицо товарища, на лбу которого синела здоровенная шишка.

- Где это ты так шибанулся?

- Ударился в машине, - неуверенно ответил тот. - У тебя сигареты есть?

Роман достал сигареты. Оба закурили.

- Болит не переставая, - пожаловался Георгий, с осторожностью дотрагиваясь до лба.

- И видения какие-то вокруг...

- Может, тебе в больницу надо?

- Так пройдёт.

- Ну смотри. Сам знаешь.

Роман подошёл к окну и открыл форточку пошире.

- Зеркало разбил? - спросил он, подходя к столу.

- Да. Смахнул, кажется. Но маску сделать успел. - Георгий показал издали бумажный слепок своего лица. - Ещё влажная. Осталось немного доработать.

- Ага, - одобрительно отозвался Роман. - Я тоже кое-что успел. Во-первых, узнал, у кого он собирается покупать дом. А во-вторых, познакомился с ними. Люди неплохие. К деньгам неравнодушны. Я когда сказал, что заплачу на две штуки больше, они чуть пятки мне лизать не бросились. Хорошие люди, Мне такие нравятся. В общем так, старику они откажут... Мне, правда, пришлось залог оставить, чтоб поверили... С тебя половина.

- Ты телефон им оставил?

- Всё в порядке. Номер твой они записали. Старик должен подойти к ним к обеду.

Так что скоро, жди звонка. - Роман взглянул на часы. - О! Да он, пожалуй, уже у них.

- Так порядочные люди не поступают! - волнуясь, выдохнул Николай Фёдорович. - Я что же, по-вашему, средств против вас никаких не найду?!

- Ну, что ж вы так горячитесь. - Засуетился хозяин квартиры. - Всё произошло неожиданно. Приехал сын с молодой супругой. Не на улицу же их выгонять.

- А здесь, сами видите - квартирка маленькая. - Вставила Зина, бросая на мужа косые взгляды.

- Ничего не знаю, мы договаривались, - упрямо бубнил Николай Фёдорович. - Это что же вам - игрушки!?

- Поймите же вы наконец. Мы вам не обязаны. Да, мы обещали, но ситуация изменилась, и сейчас сами нуждаемся в дополнительной жилплощади. - последние слова Семён Петрович произнёс выразительно посмотрев на свою жену.

- Нам самим жить негде, - бухнула Зинаида, и её маленькие глазки забегали.

- Меня это не интересует. Я тоже на улице жить не могу.

- Ну, почему на улице? Вот, я же даю вам телефон. - Семён Петрович протянул руку, в которой дрожал кусок бумажки. - Люди продают такой же дом, может, даже лучше нашего!

- Да что я вам, в самом деле - ребёнок?! - с исступлением заорал Николай Фёдорович. - Я квартиру продал, мебель. По вашей милости!

- Вы, знаете, голос на нас не повышайте! - подскочила Зина. - Вам дают телефон - и берите. Вы нам даже залог не оставляли. Вот и мы вам ничего не должны. Понятно?

- Я, - задыхаясь, напирал Николай Фёдорович, - с вами, как с порядочными людьми.

- Вы уже надоели со своей порядочностью. Сами вы непорядочный. Ходите и скандалы устраивайте, - отдувалась раскрасневшаяся хозяйка.

- Не нужен мне ваш телефон, - не унимался старик. - Я найду способ с вами разобраться! - взвизгнул он, потрясая в воздухе указательным пальцем.

- Ну, вот что, идите отсюда! - теряя терпение, вскипел Семён Петрович. - Плевать мы хотели на вас и ваши угрозы. Это что же такое! - воскликнул он, обращившись к жене за поддержкой. - Семьдесят лет кровь пили - мало?!

Не сдающийся Николай Фёдорович, под натиском дружных супругов отступал к прихожей. За последние несколько лет это было не первое его поражение, к которым он ещё не привык и с которыми не хотел мириться.

- Я с вами ещё разберусь! - продолжал он с ослиным упрямством.

Стараясь не повышать больше голоса и торопливо говоря "до, свидания", супруги действовали быстро и слаженно. Зинаида сняла с вешалки пальто и сунула его в руки Николая Фёдоровича. Семён Петрович же запихнул в карман его пиджака бумажку с номером телефона и настолько энергично открыл дверь и предложил ему выйти, что со стороны можно было сказать - вытолкнул его в шею.

Ты с Жорой разговаривал? - крикнул Роман в трубку. - Чего тогда спрашиваешь? Свое получишь, не волнуйся. Только лишнего не спрашивай и делай, что говорят. У тебя телефон там есть? Скажи номер. Так... Два... Семь... Записал. Да, дня на два. Не больше. Хорошо. Будь у себя, мы сейчас подъедем. Всё. - Роман положил трубку. - Договорились.

- Ты вроде его дом видел? - спросил он у Георгия.

- Давно очень. Лет десять назад. Ничего не помню. Дом как дом. Не знаю, нашёл бы сейчас?

- Ладно, это не важно. Он объяснит, как доехать.

- Надо адреналин достать, - сказал Георгий. Он подошёл к холодильнику и заглянул внутрь. - И водки нет тоже.

Роман подошёл к столу и взял маску. Она была уже готова и походила на посмертный слепок из гипса. Прорези для глаз были залеплены прозрачной тёмной плёнкой.

- Хорошая работа, - сказал Роман, подбрасывая на ладони маску. - Должно получиться. А с адреналином - не лишнее? Не помрёт раньше времени?

- Нет, нет! - поспешил заверить Георгий. - Я узнавал. Технично, конечно, узнавал. Не помрёт. Плохо будет, но не помрёт. И потом, мы чуть-чуть, - и он улыбнулся, оскалив зубы. - Так, для надёжности.

Роман кивнул головой и посмотрел на часы.

- Хорошо. Поехали к Сергею за ключами, а водку и всё, что нужно возьмём по дороге. Надо успеть до двух, пока соседка твоя не позвонил.

Они быстро вышли из дома и направились к гаражу. Морозный воздух обжигал лица.

Чувствовалось - стало холоднее. Потеряв немало времени на то, чтобы завести двигатель, они наконец выехали и, обогнув квартал, остановились у дома, в котором жил Сергей.

- Не глуши мотор, пусть печка работает, - сказал Роман. - и давай быстрее. Старик скоро будет звонить.

Георгий выскочил из машины и забежал в подъезд. Дверь открыл Сергей.

- Я на минутку, - сказал Георгий, заходя в прихожую. - Внизу Рома ждёт. Давай ключи. У тебя сколько комплектов?

- Два.

- Вот два и давай.

- Сейчас, - Сергей прошёл в комнату и вернулся с ключами. - Это от калитки, а эти два от двери, вы там поаккуратнее только.

- Всё будет в порядке. - Георгий взял ключи. - Чего волнуешься? соберётся небольшая компания на пару дней. Тихо посидим и по домам. Ты адрес только напомним. Я позабыл уже.

- Да, легко найдёте. Доедете до конца посёлка. Последний дом справа. Всё. Запомнил? - Запомнил. Последний дом справа.

Через пару минут машина неслась по дороге вон из города. Позади остались жилые кварталы. Появились редкие лесопосадки. Машина съехала с главной дороги, и Георгию пришлось сбавить скорость, чтобы не очень трясло. Показался посёлок. Прогрел по волнистой дороге до самого конца посёлка, Георгий остановил машину и вышел.

- Приехали, - сказал он, оглядываясь вокруг. - Последний дом справа... и он запнулся, потому что слева он увидел стоящий у самого леса мрачный двухэтажный особняк.

Георгий не мог оторвать от дома глаз, не понимая, что заставляет его вглядываться. Было в доме что-то знакомое, будто он видел его недавно. Но когда и при каких обстоятельствах, вспомнить не удавалось. Чувствовалось, что обстоятельства те, были для него крайне неприятными и даже опасными. Так и не разобравшись толком в своих чувствах, он постарался отогнать неприятное ощущение. И вдруг поймал себя на том, что совершенно не может вспомнить, как сказал ему Сергей. Последний дом... направо или налево?

- Ну что? - Роман вышел из машины. - Что стоишь? Пошли скорее, - и он направился в сторону двухэтажного дома, куда продолжал смотреть Георгий.

- Это он? - крикнул Роман, оборачиваясь на ходу.

"Налево!", - вдруг стукнуло в голове у Георгия.

- Налево... - повторил он сам себе. - Ну, конечно! Он так и сказал мне: "В конце посёлка - слева." И убеждённый, что Сергей сказал ему именно так, Георгий пошёл за Романом.

- Этот, - крикнул он, догоняя Романа.

"Ну, да. Именно сюда я и приезжал тогда к Сергею", - убеждал самого себя Георгий, подходя к дому и осматривая место, казавшееся очень знакомым. Во дворе, справа от дома стоял старый сарай, увидев который, Георгий почему-то вздрогнул. Он достал из кармана ключи.

- Этот от калитки, - сказал он, рассматривая ключи.

- А где здесь калитка? - спросил Роман и оглянулся. Оба посмотрели по сторонам и заметили, что никакой калитки, а равно и никакой ограды нет.

- Это точно тот дом? - спросил Роман. - Он что, не говорил тебе какой у него дом, одно- или двухэтажный?

- Нет, не говорил.

- Ну-ка, дай мне ключи. - сказал Роман и взял у Георгия ключи. - Если подойдут, значит тот.

Он всунул один из ключей в замочную скважину и повернул два раза.

- Подходит! Один подходит. Второй... Тоже подходит. Порядок.

- Ну, значит, этот.

И в этот момент, как показалось обоим, земля под ногами дрогнула, и из сарая донёсся гулкий стук, какой бывает от удара чего-нибудь массивного.

- Это ещё, что за ерунда?! - выругался Роман, оборачиваясь к сараю. - Он что, слона там держит?

Подойдя к сараю, Роман открыл дверь и заглянул внутрь. В сарае было темно и ужасно воняло. Он распахнул дверь шире и заметил в дальнем углу, за деревянной оградой, гигантского пятнистого бора. Он отвратительно хрюкал и тёрся боком о стену.

- Ого! - только и смог сказать Роман, подходя к животному ближе. И тут, чуть было не вскрикнул, потому что неожиданно, напротив себя увидел скрюченного старичка с ведром в руках. Он стоял посреди сарая и внимательно смотрел Роману в лицо. Сзади подошёл Георгий и тоже остолбенел.

- Здравствуйте, - выдавил Роман. - Мы от Сергея.

Старик закивал головой, и рот его растянулся в улыбке.

- Вы здесь живёте? - спросил Георгий, рассматривая старичка. Он был в телогрейке и ватных штанах, заправленных в валенки. На голове сидела потрёпанная ушанка, а из-под лохматых бровей выглядывали красные, глубоко посаженные глаза.

- Ась? - старик приложил сморщенную ладонь к уху.

- Живёшь здесь? - заорал Роман.

- За скотинкой присматриваю, - пропищал старик и закивал головой.

- Тебе Сергей ничего про старика не говорил? - спросил Роман с удивлением.

- Нет. Может забыл?

- Ладно, времени мало. Пошли отсюда. Эта развалина нам не помешает.

Георгий подошёл к двери и открыл её.

- Слушай, он в сарае что ли живёт? - Георгий посмотрел на снег и, кроме своих следов и следов Романа, других не увидел.

- Да, ну его к чёрту! - махнул рукой Роман. - Пошли, времени мало.

Они вошли в дом и оказались в просторной прихожей. Слева, у стены, круто вверх поднималась лестница на второй этаж. По бокам прихожей виднелось несколько дверей. Быстро поднялись наверх. Осмотрели комнаты. Всё вокруг было окутано тонким слоем пыли. Мебели было не много, но вся какая-то старинная. В спальне нашли телефон, тоже старинной конструкции.

- Здесь по крайней мере год никто не жил. - сказал Роман, осматривая комнаты.

- Но дом отличный.

- Я не пойму, здесь, что отопление проведено? - спросил Георгий, удивляясь тому, что в доме было тепло.

- Потом разберёмся. Всё. Домик посмотрели, пора домой.

На обратном пути заскочили в магазин и купили бутылку водки. Проезжая поликлинику, Роман остановил машину, сказав, что в поликлинике у него есть знакомые, и он попробует взять адреналин. Договорились, что Георгий поедет один и будет ждать звонка Николая Фёдоровича. На том расстались.

Оказавшись дома, Георгий первым делом подошёл к телефону и, подняв трубку, послушал. Телефон работал. Затем, пройдя в спальню, открыл шифоньер и долго в нём копался. Выбрав несколько костюмов уложил их в большой целлофановый пакет, затем, уже без разбора достал целую охапку белья, засунул всё это в тот же пакет, прислонил мешок к шифоньеру и выпрямился. Кровь с шумом застучала в его голове, и больно кольнуло в правом виске. Георгий сморщился, схватившись за голову рукой, и в этот момент скрипнула входная дверь. Он замер прислушиваясь. Скрип повторился. Георгий выглянул в коридор, но никого не увидел. Дверь действительно была приоткрыта. "Не закрыл я, что ли?" - подумал он, поджимая от холодного сквозняка пальцы ног, - выглянул на лестничную площадку. Посмотрел вниз, затем вверх.

Никого.

Он собирался уже закрыть дверь, как вдруг донёсся откуда-то издали глухой, гулкий стук. Сначала тихо - сковывая дыхание и заставляя прислушаться. Потом всё громче и громче, приобретая всё более чёткие очертания. Это был стук сердца. Но не его собственный, а того, кто приближался сюда. Сила этого звука, нарастая стучала по

его большим вискам. В глазах у Георгия потемнело. А звук становился всё громче и громче. Гулким эхом он отражался в лестничных пролётах. И что это? Следом за ним Георгий уловил частое и сиплое дыхание. Стук приближался с каждым ударом. Он уже гроыхал вокруг, сотрясая стены. "Но неужели его никто не слышит!?" - мысленно закричал Георгий. Он не мог двинуться с места, и сердце его колотилось в груди в такт слышимым ударам.

"Вот он!" - крикнул кто-то в его мозгу. И внизу, из лестничного полумрака, выплыла чёрная фигура. Это в её теле бился чудовищный зверь, сжимая её глотку до сиплого хрипа. Фигура неумолимо поднималась вверх.

Застонав от напряжения и собрав все свои силы, Георгий оторвал свинцовую ногу и шагнул назад, потянув за собой, ставшую невероятно тяжёлой, дверь. Щёлкнул замок, но звук его утонул в оглушительных ударах приближающегося сердца, и хриплый сип, он пробивался через щели, он доносился, казалось, из-за спины. "Он знает, где я! Он знает, что я его слышу! Вот он, стоит за дверью!" - кричал мозг Георгия. - "Она не выдержит бешеного биения его сердца! "Бум-бум-бух... Сотрясалась хлипкая дверь, Бум-бум-бух... "Нет! Я больше не выдержу этого звука! Почему он не уходит?!" - вскричал он мысленно. - "Я открою дверь и пусть он разорвёт мою голову!" Ринувшись к замку, Георгий рванул язычок замка и распахнул дверь.

Напротив себя он увидел тяжело вздымающуюся грудь, откуда несло нестерпимо оглушительное бум-бум-бум. Он поднял взгляд вверх и встретился с широко открытыми, круглыми глазами, в которых читалось удивление и нервная напряжённость.

- Николай Фёдорович! - хрипло прошептал Георгий, и сказать больше ничего не сумел. Несколько секунд стояли молча.

- Я по поводу покупки дома, - наконец выговорил Николай Фёдорович, чувствуя себя в крайней растерянности. - Мне дали ваш телефон, - совсем тихо добавил он.

Георгий стоял, не ощущая холодного пола, в одной рубашке и мятых брюках и с совершенно безумным взглядом.

- А-а... - протянул он страстно, и как бы очнувшись, почувствовал и холод пола, и ледяной сквозняк. - Да, да, - сказал он, переступая с ноги на ногу. - Дом. Продаём. - И тут прозрел окончательно и после нервно вырвавшегося смеха, дико улыбнулся и предложил войти.

Николай Фёдорович стоял в нерешительности. Неожиданно открывшаяся дверь и вид хозяина произвели на него сильное впечатление.

- Извините, - поспешил успокоить его Георгий, заметив некоторое замешательство, - Приболел вчера. Вы проходите, не беспокойтесь.

Он первым проскочил в комнату, схватив со стола маску и забежав в спальню, засунул её в целлофановый мешок. Вернулся и не переставая дико улыбаться, предложил старику сесть, а сам заскочил на кухню.

- Вам чайку, Николай Фёдорович? - крикнул он оттуда.

Несколько успокоившийся Николай Фёдорович благодушно согласился выпить чаю.

- Извините, я без предупреждения.

- Ну, что вы! Мы же соседи, - донеслось из кухни.

- А я смотрю, номер знакомый. Мне номер ваш дали, сказали, по нему дом продают. А я вспомнил. У отца вашего брал когда-то номер ваш. Память у меня хорошая на цифры. Ну, и решил зайти сразу. Без звонка. Чтоб не спускаться.

- И правильно сделали. - Георгий вышел с двумя чашками и поставил их на стол. Он был уже намного спокоен. Нет, он продолжал слышать биение сердца, но это был уже совсем другой звук, какое-то дряблое бульканье. Оно не било по голове, не отражалось громовым эхом от стен. Звук потерял свою силу. Он просто смешил. Каждый удар его придавал лишь силы и бодрости. И потому Георгий уже не мог не улыбаться. Внутренне он просто трясся от смеха и лишь усилием воли сдерживал себя.

- Так вы хотите купить дом?

Николай Фёдорович объяснил, что продал квартиру и мебель в расчёте купить дом с участком у одних знакомых. Но люди оказались непорядочными и в последний момент отказали ему в продаже. Теперь он не знает, что ему делать, потому как в его квартиру не сегодня - завтра вселяются новые хозяева, а идти ему некуда. Николай Фёдорович разволновался и сказал ещё что-то невнятное о каких-то связях и о том, что кое-кому не поздоровится.

К этому времени вернулся Роман.

- Вот, Николай Фёдорович, это и есть хозяин дома - Роман. Он и продаёт дом. Да, вы его видели наверное.

- Так видел, конечно. Здесь, во дворе, встречал вас вместе. Знакомое лицо.

- Очень рад, - заулыбался Роман, протягивая руку.

- Очень, очень приятно, - ответил Николай Фёдорович, пожимая протянутую руку.

Георгий побежал на кухню готовить закуску. Следом вошёл Роман и молча протянул ему ампулу, затем вытащил из кармана пиджака сигареты, закурил и вернулся в комнату.

- Не курите? - спросил он, протягивая сигареты.

Старик отказался и стал расспрашивать о доме. Услышав, что дом двухэтажный да ещё с полным набором мебели, он сник, сказав, что дом будет ему не по карману и что вообще искал себе чего-нибудь попроще.

- Что вы! - гордо заметил Роман, - цена самая обыкновенная сейчас, если знаете. Везде, в общем-то, одинаковая... Двадцать тысяч долларов...

- Сумма немаленькая, конечно, - оживился Николай Фёдорович, - но я располагаю... Признаться на меньшее и не рассчитывал. Я ведь уже договаривался о покупке... Люди только оказались непорядочными... М-да... На такую же сумму...

- И не жалеете, что не получилось! - успокоил его Георгий - Ну к чему вам эти проходимцы? Связались, чёрт знает с кем! Это ж надо с хорошими знакомыми делать, с надёжными, так сказать, людьми.

- А что это за место? Мне ведь желательно недалеко от города.

- А это как раз недалеко, - заметил Георгий. - минут тридцать езды от города. Я там был как-то. Скажу вам - дом отличный, Сами увидите. Мне-то выгоды здесь нет никакой. Я ведь так, помочь вам хочу, как хорошим знакомым. - и Георгий улыбнулся обоим по очереди.

- Эх, Николай Фёдорович! - воскликнул Роман, разливая водку по рюмкам. - Давайте вот что, выпьем по маленькой, и всё решится, как надо.

- И то верно, Николай Фёдорович. Вмажем по рюмашке! И все пойдёт, как надо.

- Ох, вы меня извините, - в смущении заговорил Николай Фёдорович. - Никак нельзя. Здоровье не позволяет.

- Николай Фёдорович! - возопил Роман с укоризной. - Да ведь тут всего ничего. Не обижайте.

- Пятьдесят грамм. Лечебная доза. - наседали Георгий, всовывая в руку старика мокрую рюмку. - Чисто символически. За нас с вами, за общее дело!

- За успешную покупку!

Переглядываясь, Роман и Георгий насильно чокнулись с рюмкой Николая Фёдоровича и не спуская с неё глаз, быстро выпили. Николай Фёдорович покачал головой.

- Эх! Ну разве символически... - сказал он пробуя пить.

- Нет, нет. До конца, как же так! - в оба голоса заорали Роман и Георгий. Старик сморщился и глубоко вздохнувши с трудом, выпил до конца. Глаза его тут же увлажнились, а щёки сделались красными.

- Закусочку, закусочку, - подскочил Георгий, пододвигая к старику тарелку.

- На дом посмотреть бы надо, - сказал Николай Фёдорович, глядя на Георгия прослезившимися глазами.

- Я вообще-то сегодня занят, - протянул тот.

- Да чего там занят! - набросился на него Роман. - Голову человеку морочишь. Ничего, Николай Фёдорович, съездим. Прямо сейчас, а чего ждать? Бензин есть? - обернулся он к Георгию, - ну и всё. Раз два и будем там, Вот только на дорожку - по рюмашке. А? Не откажитесь? Николай Фёдорович, не обижайте. Я вас очень прошу. По одной, и прямо сейчас же поедем.

- Ох, ребята... Не могу я много пить. Нельзя мне.

- Ну чего нельзя? Чего нельзя? - набросился Роман. - Заладил тоже. Да разве ж такое дело без ста грамм пойдёт? Давай старик! Бери рюмку. Ну! Жора, заводи машину. Поехали.

- А-а! - махнул рукой разомлевший от первой рюмки Николай Фёдорович. - Наливай!

Георгий наполнил рюмку и дал её Николаю Фёдоровичу.

- Поехали... поехали... - сказал Роман, следя за каждым его глотком.

- Уф-фф... Хоо.. - выдохнул Николай Фёдорович.

- Ну, старик! Ха-ха. - воскликнул Роман. - Таких уважаю.

- Так что... Сейчас прямо поедем?

- Сейчас, - сказал Роман. - а как же! Куй железо пока горячо. Собирайся, Жора.

К посёлку подъехали часам к четырём. День близился к вечеру, и с каждым часом становилось всё холоднее. В сером небе, как луна, бледнело зимнее солнце.

Последним из машины вышел Георгий, захватив с собой большой целлофановый мешок забитый доверху разноцветным тряпьем.

Николаю Фёдоровичу дом понравился сразу. На всякий случай он ещё раз переспросил о цене и очень довольный продолжил осмотр. Заглянул в прихожую, осмотрел комнаты. Мебели было не много, но всё самое необходимое. Заметив, что в комнатах тепло, Николай Фёдорович так же спросил об отоплении.

- Здесь всё есть. - небрежно заметил Роман и поскольку сам толком не знал, каким образом дом отапливается, поспешил отвлечь внимание старика на другое.

- Пожалуйста, здесь даже телефон есть., - и он повёл его в спальню, где у окна, выходящего на дорогу, стоял телефонный аппарат.

Телефону Николай Фёдорович обрадовался особенно, сказав, что об этом он даже не мечтал.

Одним словом, дом ему понравился. Понравился настолько, что он готов был остаться в нём сию же минуту.

- Дом прекрасный! Я даже не ожидал, честное слово, - прямо признался бесхитростный старик. - Даже уходить не хочется.

- А в чём же дело? Давайте сегодня же всё и оформим. - сказал Роман.

- А разве это можно? - удивился Николай Фёдорович, настораживаясь.

- Никаких проблем! Документы у меня подготовлены давно. Впишем наши данные, поставим подписи и дело в шляпе.

Старик задумался в нерешительности.

- Всё так быстро, - начал он волнуясь. - И дом прекрасный.

- Нет, конечно, если вы сегодня не можете, это дело можно перенести. Завтра я уезжаю, но дней через десять буду здесь.

- Через десять дней, - повторил старик упавшим голосом.

- Эх, Николай Фёдорович! - зашипел в самое его ухо Георгий. - Ну что же вы, решайтесь! Ну к чему вам откладывать?

- Что-то скоро уж больно...

- Смотрите, протяните, а там, чего доброго, - опять упустите.

- Уф! Даже не знаю... - совсем растерялся старик. - А? Что же делать Жора?

- Да чего тут думать! - воскликнул Георгий. - Рома, у тебя документы с собой?

- Чего я их буду таскать. Дома лежат.

- Я вот что предлагаю. Едем в город. Рома за документами, а мы с вами за деньгами. Через час будем здесь. Где надо подпишитесь, сколько надо заплатите - и дом ваш. Вам же обоим меньше проблем!

- Я не против. - сказал Роман.

Николай Фёдорович стоял пыхтя, долго чего-то обдумывая, но, наконец, решился и тяжело выдохнул.

- Поехали!

- Эх, Николай Фёдорович, - одобрительно отозвался Роман. - лихой ты мужик! Всё верно, Дела надо быстро решать. Поехали!

Николай Фёдорович вышел первым. Роман поймал Георгия за рукав.

- Берёте деньги и тут же назад.

- А ты успеешь?

- Я всегда успеваю, не волнуйся. - Роман снисходительно усмехнулся. - Ты чего трясешься?

- Я не трясусь. Это так... от напряжения...

- Ты особенно-то не напрягайся, всё ведь сделали, как надо.

На обратном пути Роман посмотрел на часы и предложил собраться не к шести а к восьми часам вечера, сославшись на то, что документы хранит супруга, и потому её

придётся дожидаться. Сам он вышел раньше и домой, Георгий и Николай Фёдорович подъехали вдвоём.

Всю дорогу Николай Фёдорович чувствовал себя неважно, и Георгий ощущал это всем своим телом. И когда они поднимались по лестнице, он опять слышал нарастающий стук его сердца. Вновь гроыхал он, отдаваясь эхом от стен, сотрясая бетонные ступени, заставляя вибрировать металлические прутья перил. Еле сдерживая себя, чтобы не закричать от невыносимого звука, разрывающего голову, Георгий добежал до своей площадки на третьем этаже, сказал Николаю Фёдоровичу, что ждёт его к половине восьмого, и, закрыв за собою дверь бросился в дальнюю комнату, сжимая голову руками. Но только когда откуда-то сверху донёсся звук захлопнувшейся двери, ему стало немного легче. Когда же бой чужого сердца ослаб, Георгий понял, что это уже шумит его собственная кровь, оттого что он слишком сильно сжимает ладонями виски. Он опустил руки и сел на стул.

За окном заметно потемнело. Тихо подвывал ветер .

До прихода Николая Фёдоровича оставалось полтора часа. Не зная, чем занять это время, Георгий включил телевизор и сел напротив,

Экран осветился и мужской голос произнёс:

- Становится жарко, нельзя ли помедленнее?

- Нам надо поторопиться, - ответил низкий женский, и в центре экрана, на тёмном неразборчивом фоне, чем-то похожем на всхолмлённую равнину, появились две тёмные фигуры. Они постепенно приближались, увеличиваясь в размерах. Георгий взял бутылку водки и, наполнив до краёв рюмку, выпил залпом. Из телевизора доносился неясный шум. Лаяли собаки, ревел мотоцикл.

Георгий переключил канал, изображение мигнуло но не изменилось.

- Не понял?! - удивился Георгий. - он переключил ещё и ещё раз но изображение осталось прежним.

- Чёрт, что за ерунда!? - он стукнул по телевизору кулаком. В телевизоре тихо затрещало.

- Ты хорошо знаешь дорогу? - спросил мужской голос.

- Да, хорошо. Он провожал меня несколько раз. - ответила женщина.

Георгий уставился на экран. Голос ему показался знакомым. Мужчина и женщина стояли перед необъятной каменной стеной, уходящей в красное небо. У Георгия появилось ощущение, что стена эта живая. И действительно, по ней пробежали лёгкие, еле заметные волны, будто она была нарисована на гигантской материи.

- Да, это впечатляет. - сказал с экрана мужской голос. - Что будем делать теперь?

- Наберись терпения. - ответила женщина.

- Что это за передача такая - прошептал Георгий, заморожено глядя на экран.

- Нет, сами мы ничего сделать не сможем. - сказал мужчина. - У меня сил не хватит, не надейся.

- У тебя ни на что сил не хватает.

- Что это у меня с головой? - сказал Георгий, перед глазами которого появились отвратительные зелёные круги.

- Я не понимаю, ты взяла меня, чтобы испортить настроение? - обиделся мужчина. - Пригласила бы своего ветерана, его на всё хватило бы...

- Перестань, нет у меня никого, сколько можно говорить. - женщина явно нервничала.

- Только не надо...
- Подожди-ка... Сейчас нам помогут... Ты не чувствуешь?
- Думаешь, ему это нужно?
- А почему бы и нет. Он очень мил, столько страсти...

- Как, ещё один?! - воскликнул мужчина, пытаясь изобразить ревнивца.
- Что ты взъелся? Ты же знаешь, о чём я... Вот, сейчас... Ты чувствуешь?

В этот момент Георгий заметил, что стена каким-то образом стала притягивать его внимание. Он уставился в одну точку и вдруг увидел, что камень, на котором остановился его взгляд, запульсировал и выпал на ту сторону. Он посмотрел ниже - выпали нижние, в бок - боковые. "Как это так получилось?" - подумал он. В стене образовался проём, и эти двое шагнули в него и сразу же оказались на городской улице. Послышалась музыка. Изображение стало чёрно-белым и к тому же ещё негативным. Под чёрным небом люди отбрасывали белые тени. Не изменились только эти двое.

- Мне всегда нравится появляться здесь, - сказала женщина.
- Как, ты уже была у него?
- Не пойму, ты идиот или просто решил вывести меня из терпения?! Я имею в виду вообще, на этой стороне.
- Хм... Воздух здесь приятный... - сдержанно заметил мужчина.
- Да, именно он. В нём много энергии. Я её чувствую всем телом. Стоит попасть сюда и ты словно сбрасываешь несколько лет.
- Ну, что ж, он достоин благодарности. Кстати, ты уверена, что его примут?
- Разве в этом можно быть когда-нибудь уверенным? Мне он понравился. Это всё, что я могу сказать (мужчина недовольно хмыкнул, но промолчал). Я почувствовала его сразу, и он тут же вытянул меня сюда. Мгновенно. Впечатление ошеломляющее. Ты ведь знаешь, так бывает не часто. Иногда приходится настраиваться месяцами. А тут сразу! Мне хотелось выть от счастья, что я собственно тогда и сделала, - женщина усмехнулась.

Пройдя по улице, они спустились в подземный переход. Музыка усилилась, и город тут же погрузился в белый мрак.

Теперь доносились только голоса и гулкие шаги по ступеням.

- Ты мне мешаешь, - прошипел женский. - Всё время наступаешь на ноги.
- Извини, я ничего не вижу.

Чиркнула спичка, и вспыхнуло чёрное пламя.

- Всё, пришли, - женщина вздохнула. Загремел железный засов.
- Ну, давай, тяни. Хоть на это у тебя сил хватит?
- Опять начинаешь? - раздражённо просипел мужчина.

Визгливо закрипели петли. Негативная тьма пропала, и двое оказались в комнате, показавшейся Георгию знакомой.

На кухне, за спиной у Георгия, затарахтела водопроводная труба.

- Ты слышала? Что это за звук? - спросил на экране мужчина.
- Не знаю. Но это где-то рядом.

"Это что, совпадение?" - подумал Георгий, собираясь в комок. Тут он уставился на экран, широко раскрывая глаза. Он узнал в изображении свою собственную спальную комнату.

- По-моему, он догадался, - сказала женщина.

- Давно пора. - ответил мужчина и лицо его исказилось принимая зелёный оттенок. Не знаю, что ты в нём нашла. - злобно добавил он и, тело его вытянулось, а спина дрогнула и выгнулась в уродливый горб.

- Я нашла его симпа-а-атичным. - механическим голосом нараспев ответила женщина, и внешность её так же стала меняться. Руки её удлиннились, на пальцах появились когти, глаза провалились внутрь, оставив на посиневшем лице две чёрные дырки.

Георгий кинул безумный взгляд в сторону спальни, но никого не увидел. На экране же эти двое, в этот момент, входили в гостиную. Георгий увидел гостиную откуда-то сверху, со стороны противоположной спальни. Но его самого на экране видно не было. На изображении была вся комната: Был стол, слева сервант, в дальнем правом углу телевизор и стул напротив него но себя самого на экране Георгий не видел. Он попытался встать со стула, но не смог. Тело его налилось свинцом и не слушалось приказов.

Двое уродов вошли в гостиную и оглянулись. Георгий так же оглянулся, но в комнате никого не обнаружил.

- Где он? - донёсся из телевизора изменившийся мужской голос. Теперь он стал звенящим, металлическим..

- Где-то здесь. Я его чувствую.

Женщина раскинула руки и стала двигаться по комнате.

- Здесь! - крикнула она вдруг, указывая острым пальцем на стул.

Георгий похолодел от этого крика и затрясся, как осиновый лист. Он опять оглянулся, но опять же никого не увидел. Тем временем на экране ведьма подошла к стулу сзади и, поведив в воздухе над ним растопыренными ладонями, сказала:

- Всё! Теперь он не уйдёт от нас никогда.

Пальцы её засветились голубым огнём, вытянулись и стали острыми, как иглы. Разведя руки в стороны, она стала сводить их над стулом, приблизительно на том уровне, где могла бы быть голова сидящего. Глаза Георгия ослепила синяя вспышка, и одновременно с ней в виски ему вонзились огненные иглы.

Безумно заорав, он схватился руками за голову и повалился без сознания на пол.

Когда Георгий пришёл в себя, то снова услышал стук сердца, но своего или чужого, понять уже не мог. Голова раскалывалась, будто ею забивали гвозди. Застонав, Георгий поднялся на ноги и оглянулся, пытаясь сообразить, что же с ним произошло. Но тут в прихожей раздался звонок, и он кинулся открывать дверь.

На пороге стоял Николай Фёдорович. У него было бледное лицо. На лбу выступили мелкие росинки пота. Тяжело дыша, он сказал, что наверху ему стало немного плохо, поэтому чемодан он решил сегодня не брать, а только самое необходимое. В правой руке он держал пухлый портфель. "Ну и отлично", - подумал про себя Георгий. - "Меньше хлопот."

- А не будет холодно - спросил Николай Фёдорович, когда Георгий накидывал поверх рубашки лёгкую курточку.

- За рулём в пальто неудобно. Да и в машине печка, так что будет тепло. Они вышли на улицу, и Георгий сразу же понял, что старик был прав, спрашивая, не будет ли ему

холодно. Воздух был не просто морозным, он прямо-таки стягивал кожу, делая неповоротливыми пальцы рук и губы.

Солнце скрылось за горизонтом, кинув на небосклон кровавый багрянец. Дорога к посёлку, казалось, стала длиннее.

Качнувшись, последний раз, машина остановилась. Георгий заглушил двигатель, и Николай Фёдорович, кряхтя, выбрался из машины.

Дом весьма недружелюбно встречал поздних гостей. Окна его были непроницаемо черны, и только одно на втором этаже взирало, словно глаз циклопа, пропуская сквозь веки штор слабый бордовый свет.

- Рома, ещё не подъехал, - сказал Георгий и протянул ключи Николаю Фёдоровичу. - Вы заходите в дом, а я машину лучше во двор загоню.

Пока Георгий вновь заводил и разворачивал машину, Николай Фёдорович открыл входную дверь и оказался в тёмной прихожей. Сверху, из проёма на втором этаже, куда вела лестница, падал слабый красный свет. Он освещал прихожую ровно настолько, чтобы можно было, не спотыкаясь, пройти к лестнице. Пошарив у двери рукой, Николай Фёдорович щёлкнул выключателем, но свет не загорелся.

"Лампочка перегорела" - подумал он и двинулся к лестнице, деревянные ступени под ногами издавали жалобный мышинный писк. Поднявшись, он очутился в гостиной, где было немного светлее, но опять же не очень. На подоконнике стояла лампа с красным абажуром и с очень слабой лампочкой. Она и освещала всю комнату. Предметы отбрасывали длинные бледные тени, которые тянулись до самых стен, рисуя на них неясные узоры. Слева, на стене, Николай Фёдорович увидел выключатель. Безрезультатно щёлкнув им, он посмотрел на потолок но обнаружил не люстру, а торчащий загнутый провод. Тогда он прошёл в глубину комнаты, где вокруг журнального столика стояло три крутящихся кресла, собираясь сесть на одно из них. Но подойдя к ним совсем близко, вдруг зацепился за что-то ногой, и в этот момент то кресло, что было повернуто к нему спинкой, резко развернулось в его сторону.

Николай Фёдорович окаменел, потому что с кресла смотрел на него какой-то урод. У него было короткое, бочкообразное туловище, на ногах сапоги, руками, облачёнными в чёрные перчатки, он опирался на подлокотники. Но самым безобразным было его лицо - совершенно белое с чёрным ртом - дыркой и с такими же чёрными, лишёнными белков глазами, в которых однако отражался красный абажур.

Воздух не желал выходить из лёгких Николая Фёдоровича, а сердце, ёкнув, казалось, замерло на мгновение, и тут он услышал, как за его спиной чей-то голос окликнул его по имени. Николай Фёдорович вскрикнул, и ноги его подкосились.

- Что с вами? - спросил Георгий, появляясь перед его глазами. Николай Фёдорович схватился за сердце и отступил в сторону.

- Простите! - вскричал Георгий. - Это моя вина. Я должен был вас предупредить! - он взял старика под руку и усадил в кресло.

- Это кукла, - пояснил он. - Рома оставляет её на время своего отсутствия. Дома здесь мальчишки грабят. Это, конечно, не бог весть какое средство, но хоть что-то. Знаете, заглянут в окно, вроде кто-то есть, ну и не станут залезать.

Николай Фёдорович всё ещё держался за сердце.

- Вы меня простите, пожалуйста. Совсем забыл!

- Ох, убери её, - наконец сказал Николай Фёдорович, отворачиваясь от куклы в сторону и залезая к себе в карман. - Не хочу смотреть.

Он достал маленькую пробирочку с таблетками и дрожащими пальцами стал вытаскивать пробку.

- Давайте я вам помогу, - бросился к нему Георгий, неловко толкнул его в руку, пытаясь перехватить пробирку, та выскочила из слабых рук Николая Фёдоровича и полетела на пол, прокатилась до ступеней и скользнула под лестницу, и уже снизу раздался звонкий щелчок и шорох разлетающихся таблеток.

- Ах, ты черт! - воскликнул Георгий. - Вы меня извините, я сейчас их принесу. - И он бросился вниз по лестнице. Спустившись в холл, Георгий заглянул под лестницу. Глаза его не успели привыкнуть к темноте, и он ступал, как слепой, нашаривая в кармане спички. Под ногами хрустнуло стекло, Он отошёл на шаг и, наклонившись пониже, зажёл спичку. В пыли, перед ногами, лежали осколки пробирки и несколько таблеток, Не подбирая таблетки, он отшвырнул их ногой под скамейку, стоящую у противоположной стены. Опять наклонился к полу, но потом вдруг остановился. Что-то тревожно-неясное попало ему на глаза, когда он мельком взглянул вперёд, отбрасывая таблетки. Он медленно поднял взгляд и уставился на скамейку, с трудом различимую отсюда. "Что это там лежит?" Тряпки что ли?" - подумал он подходя ближе и готовя спичку, и тут в лицо ему дохнула холодная волна, и в следующую секунду он различил на скамейке фигуру человека. Чиркнув машинально спичкой, он обмер, потому что прямо перед собой увидел сидящего старика. Красные глаза его, полные смысла, глядели откровенно в лицо Георгия. Только, когда спичка обожгла ему пальцы, он дёрнул рукой и, отступая назад, спросил: "Ты чего здесь делаешь?"

Старик ничего не ответил и поднялся. Георгий лихорадочно достал вторую спичку и зажёл её. Продолжая смотреть Георгию в глаза, дед поднёс руку ко рту, и на ладони его забелели маленькие кружочки. Забросив таблетки в рот, он улыбнулся, обнажая редкие уродливые зубы, и, повернувшись, заскользил на валенках, словно на лыжах, к боковой двери и бесшумно скрылся за ней.

Георгий одним махом забрался на второй этаж и предстал перед Николаем Фёдоровичем.

- Разлетелись куда-то, - сказал он вращая круглыми глазами, и затем нерешительно добавил. - Я сейчас возьму лампу и посмотрю ещё раз.

Николай Фёдорович сидел, напряжённо глядя на Георгия.

- С кем это ты там разговаривал? - спросил он.

- Ни с кем, - соврал Георгий, стараясь отвести взгляд. - так... сам с собой.

- Не надо ходить вниз, - сказал старик. - Я в темноте один оставаться не люблю, душно мне становится в темноте. Да и лучше мне, вроде как, стало... и он расстегнул ворот рубашки.

Георгий не знал, что сказать на это старику и поэтому промолчал.

За окном было темно. Ветер со стоном швырял в стёкла пригоршни сухого снега. Несколько раз мигнула лампа но не погасла.

- Что-то Рома задерживается, - сказал Георгий, нарушая тишину.

- Ты бы, всё-таки, убрал отсюда это. - Николай Фёдорович указал пальцем на куклу.
- Не могу я на неё смотреть.

Георгий подошёл к кукле и попытался взять её подмышки.

- Вы не поможете мне? - обратился он к Николаю Фёдоровичу, делая вид что не может никак ухватиться за куклу. - Она не тяжёлая, просто неудобно. Может развалиться...

Старик со вздохом встал и, нагнувшись, подобрал болтающиеся ватные ноги. Вдвоём они перенесли куклу в соседнюю комнату. Это была спальная комната. В ближнем углу стоял громоздкий комод, рядом с ним широкая двуспальная кровать с высокими спинками из чёрного дерева, а в дальнем углу, у окна, круглый стол на гнутых ножках, с телефонным аппаратом на нём. У двери, ведущей в смежную комнату, напротив стола, висело большое облезлое зеркало.

Несмотря на то, что Георгий старался поаккуратнее усаживать куклу на кровати, голова её сначала скосилась набок, а затем вовсе отвалилась и упала. Николай Фёдорович подобрал голову. Это была обыкновенная белая материя, туго скрученная в некое подобие цилиндра, на один конец которого была нацеплена маска. Он положил её рядом с куклой. И в этот момент на столе жалобно забулькал телефон. Георгий подошёл и взял трубку.

- Да. Рома? Плохо слышу... Ты где? Мы уже давно ждём. - тут он просипел в сторону Николая Фёдоровича. - Он задерживается. - и затем снова продолжал, - Всё в порядке... Где? Сейчас выезжаю, - и он положил трубку.

- Вы не беспокойтесь, - быстро заговорил Георгий. - Рома недалеко отсюда. Он уже с документами. Надо будет съездить за ним... Кстати, у вас вся сумма с собой?

- Да, конечно. Двадцать тысяч, как договаривались.

- Ага, ну и хорошо. Вы подождите здесь, а я быстро за ним.

- Э-ээ... Погоди-ка. - заволновался старик. - Может мне с тобой съездить? А то как-то одному, с деньгами...

- Ну что вы, Николай Фёдорович! - замахал руками Георгий, придавая голосу побольше убедительности. - К чему вам лишнее беспокойство? Это ж рядом, через пять минут будем здесь. Я вас закрою на два замка. Ключи только у меня и у Ромы. Да здесь, в такое время года никто не живёт. Не сезон.

Не давая старику опомниться и с трудом скрывая волнение, Георгий быстро выскочил из дома и закрыл за собой дверь.

Николай Фёдорович остался один.

Он вновь вернулся в гостиную, где горела, должно быть, единственная на весь дом лампочка, сел в кресло и стал ждать.

Время тянулось томительно долго. Снаружи уже бушевала настоящая вьюга. Она скулила, застревая в щелях, горько рыдала на чердаке. Прошло около получаса, но Георгий так и не вернулся. Ждать становилось невыносимо. Сознание Николая Фёдоровича посетила тысяча неприятных мыслей, которые он пытался гнать от себя. Дом наполнялся непонятными шорохами. Где-то скрипнула половица, хлопнули ставни, стукнуло на чердаке. Николай Фёдорович не был суеверным человеком и к жизни относился довольно просто, но, оказавшись в совершенном одиночестве в этом большом и мрачном доме, стал придавать каждому звуку, вопреки своему сознанию, особое значение, мысленно ругая себя за это.

Снизу, с первого этажа, донёсся слабый скрип, а затем лёгкие шаги. Николай Фёдорович вздрогнул и стал прислушиваться. Он подошёл к лестнице и заглянул вниз, но ничего, кроме полного мрака, не увидел. Шаги стихли. "Показалось, что ли?" - подумал он, продолжая всматриваться в темноту. Время шло, но внизу всё было тихо.

Он уже решил, что ему действительно послышалось, как снизу донёлся шорох и опять лёгкие, еле уловимые шаги.

- Кто здесь? - страшным голосом спросил он и сердце его застучало с удвоенной скоростью.

В ответ тихо скрипнула дверь, и опять воцарилась тишина. Долго он ещё стоял, затаив дыхание, пока не решился вернуться в комнату. Сидеть он уже не мог. Сознанием его овладела острая напряжённость, не позволяя ему находиться в покое. Он стал ходить по комнате, временами останавливаясь и прислушиваясь к звукам. В ушах неприятно звенело, то ли это шумела кровь, то ли ветер ослаб и вокруг стало тише. Остановившись, Николай Фёдорович заставил себя сесть, чтобы хоть немного успокоить взбесившееся сердце. Часов при себе у него не было, но он понимал, что время близилось к полуночи. И тут во входную дверь кто-то постучал. Стук был тихий, но достаточно отчётливый.

Николай Фёдорович встал.

Стучал не Георгий и не Роман - у них были ключи.

Он стоял в нерешительности, и кровь вздувала вены на его шее. И вновь тишину нарушил стук в дверь - тихий, но настойчивый. "Может, кто из соседей", - подумал он. "Да нет же, какие соседи? Не сезон. Не живёт здесь никто!"

Стук не прекращался и теперь звучал громче. С трудом заставив себя спуститься к двери, он подошёл к ней вплотную и спросил негромко: "Кто там?" Стук прекратился. Он посмотрел в замочную скважину, но увидел лишь пустой двор и тут же почувствовал сильный озноб. Пробрался на цыпочках к лестнице и поднялся наверх.

Сердце гулко билось в груди. Ватные ноги отказывались держать. Приложив к груди ладонь правой руки, он повалился в кресло. Стук вновь раздался внизу. Слабый. Затем всё громче и громче. И вот в дверь уже барабанили.

- Прекратите! - вскричал, задыхаясь, Николай Фёдорович. И стук резко прекратился.

- Хватит! - простонал он.

Опять тишина. Долгая и тягучая, сменяясь звоном в ушах.

Старик сидел в кресле, сжимал холодными руками подлокотники кресла, до предела напрягая свой слух.

Что это за слабый шорох вверху? Мыши на чердаке или ворвавшийся ветер? А этот звук - совсем рядом. Ах да. Это ведь собственное сердце. Но почему оно так бьётся? Зачем тратит столько энергии?

Мёртвая тишина. Но вот, слабый шорох из спальни. Очень тихо, до боли в мозгу. Что это? Показалось... Не мигая, глядя в дверной проём, старик выпрямил деревянную спину.

И вдруг, словно молния, - пронзительный звон.

Он разорвал тишину, он ослепил на мгновение. И резкая тишина. И снова звон. "Это телефон," - наконец понял Николай Фёдорович. Звук раскалённой иглой вонзался в сердце, хлестал по мозгу. Он звал. Он требовал. И старик понял, что ему придётся поднять эту проклятую трубку.

Перед глазами плясали тёмные круги. Не чувствуя ног, он вошёл в спальную комнату и тут же вскрикнул, и сердце беспомощно рванулось в груди. На кровати сидела кукла, о которой он совсем забыл. Стараясь не смотреть на неё, он скорее

подошёл к столу, но трубку взял не сразу, будто она была заминирована. Дрожащей рукой поднёс к уху. Трубка молчала. Не было слышно даже слабого шороха или треска. Телефон был мёртв.

Старик попытался сказать "Алло", но слово застряло в пересохшем горле. Продолжая прижимать к уху могильную тишину, вдруг услышал лёгкий шелест, но не в трубке, а рядом, за спиной. Резко повернувшись, никого не увидел. На кровати, как и прежде, сидела кукла - мерзкий урод с белой черепообразной головой. Тут Николай Фёдорович вспомнил, что в прошлый раз, уходя с Георгием из комнаты, голову куклы он положил рядом с её туловищем, а теперь она была на плечах. Сделав это открытие, он ощутил, как начало неметь всё его тело. Словно загипнотизированный смотрел он на белое пятно её головы. Но что это!? Что-то в кукле изменилось, совсем немного. Да! Стал виден её второй глаз, до сих пор скрываемый её носом. О, Боже! Она поворачивает в его сторону голову. Николай Фёдорович почувствовал, что теряет опору. Теперь движение головы было более явственным. В груди у Николая Фёдоровича заныло, и сделалось невыносимо мерзостно, а к горлу подкатил тошнотный комок. В это мгновение кукла встала и пронзительно закричав, двинулась к нему, нелепо размахивая руками.

В глазах у старика потемнело, а сердце сжала неведомая стальная рука. Падая, он уже не видел вырастающее перед ним искусственное лицо.

Кукла наклонилась перед бездыханным телом и заглянула в стеклянные глаза. Затем освободила из его рук телефонную трубку и сказала в неё голосом Романа: "Можешь заходить". После этого Роман снял маску и положил трубку на место.

Георгий только сейчас понял, что замёрз. Он повесил трубку телефона-автомата и побежал по дороге, что вела к концу посёлка. Когда он поднялся на второй этаж, то Роман уже переоделся, Николай Фёдорович лежал на полу, неестественно согнувшись, с широко открытыми глазами. Вместе они подняли его тело и положили на кровать

- Пульс проверял? - спросил Георгий.

- И так видно, что готов...

- Ну вот и всё... - сказал Георгий глядя на мёртвое тело.

- Радуйся, ты же мечтал его прикончить. Если б ты видел... Он просто окаменел от страха, а когда я встал... Я до сих пор слышу его стон. Надрывный какой-то, будто сердце ему кто разрывает... Да, пожалуй, так оно и было.

- Разрыв сердца?

- Наверное. - Роман взглянул на Георгия. - Ты чего так дрожишь?

- В будке замёрз, в телефонной. Думал, вообще окоченею. Еле до дома добежал.

- Так ты пешком ходил? А я думал на машине.

- Движок не завёлся. Наверное, масло замёрзло.

- Это плохо... - сказал Роман, о чём-то задумываясь. - Ну, ладно, вызывай скорую.

Георгий подошёл к телефону, накрутил 03 и тут же услышал весёлый бойкий голос: "Дежурная пятнадцатой горбольницы. Слушаю."

- Это скорая? - собравшись с духом, спросил Георгий. - С человеком плохо... Не дышит...

- Очень хорошо! - радостно отозвались в трубке. - Говорите адрес.

- Как это... хорошо? - вырвалось у Георгия.

- Плохо, плохо, конечно. - ответили в трубке. - Адрес говорите.

- Дачный посёлок... недалеко от города... Это, как, если к озеру ехать... Знаете?

- Ну, допустим, знаем. Говорите дальше.
- В конце посёлка, дом... двухэтажный. Он один двухэтажный... на весь посёлок... Из трубки раздался смех.

- Хорош адресочек. Мы что ж, по-вашему, следопыты? Ваш номер телефона?
- Номер... Двадцать семь, восемнадцать, ноль пять...
- Фамилия больного, сколько лет, что с ним? - заученной скороговоркой тархтела трубка и вдруг бухнула. - Говорите быстрее, у меня ужин стынет.

Георгий совсем растерялся.
- Фамилия... Николай Фёдорович его зовут, лет шестьдесят... А что с ним, не знаю. Лежит, вроде не дышит... А кто это говорит? Мне ваш голос кажется знакомым, В трубке расхохотались.

- Может, и знакомы, сладкий мой. Валентина говорит, не узнаёшь?
- Валентина... Нет.
- А жаль! Ха-ха... Заказ принят, ждите, Выезжаем. - и пошли короткие гудки.
- Заказ? - ошалело повторил Георгий.
- Ты чего, обалдел? - набросился на него Роман. - Нашёл время знакомиться.
- Сам не знаю... Голос вроде знакомый показалось....

Роман с подозрением посмотрел на Георгия и перехватив его взгляд, показавшийся ему совершенно безумным, разговора решил не продолжать.

Они перешли в гостиную, открыли портфель и наспех пересчитали деньги, в это время услышали снизу стук в дверь.

- Кто это? - испуганно спросил Георгий.
- Может, скорая?
- Так быстро? Не может быть.
- Ну, если больница недалеко... - Роман посмотрел на часы. - Прошло минут пятнадцать или десять... Ладно, иди посмотри, кто там, а я разберу куклу и спрячу деньги.

Спустившись вниз, Георгий открыл дверь. У порога стояли двое. Старик, - очевидно врач, маленький и сутулый в белой шапочке, надвинутой на самые глаза, и медсестра - немолодая женщина с сильно накрашенным лицом. Оба, несмотря на то, что были только в халатах, холода, казалось не ощущали. Медсестра в руках держала лёгкие носилки.

- Скорую вызывали? - спросила она певуче.
- Вызывали, - сказал Георгий, стараясь в темноте разглядеть её лицо.
- Больной наверху? - деловито спросила она и, не дожидаясь ответа, оба в халатах, уверенно пошли к лестнице.

- Наверху, - запоздало подтвердил Георгий, ступая следом, Врачи очень быстро поднялись по лестнице и, словно бывали в этом доме не раз, не сговариваясь, прошли в спальню. Роман поздоровался и отошёл в сторону, пропуская к кровати врачей.

Медосмотр прошёл на удивление быстро. Медсестра задала Роману несколько вопросов уточняющих личность Николая Фёдоровича. Врач тем временем растегнул рубашку на груди лежащего, в ушах у него, неизвестно откуда появился фонендоскоп, наспех приложил его в нескольких местах к телу. Затем шлёпнул пару раз по щекам, молотком по коленям и обернувшись к медсестре неуверенно заметил:

- Рефлексов нима.
Он ещё раз приложил фонендоскоп к животу трупа и добавил:

- Не дышать. Так и пиши - не дышать и не подаёт никаких признаков жизни. Так шо он скорее всего мёртв... А добрый был мужичок, крепкий. - врач оттянул труп подбородок рассматривая зубы. - Тёпленький ишо.

- Вы понимаете, сначала всё было нормально, - стал объяснять Роман. - Мы выпили немного... Николай Фёдорович наш знакомый. Мы его встретили по дороге. Попросил подвезти.

- А тут дом товарища проезжали, - вмешался Георгий. - Ну и зашли на минутку. Кто же знал, что ему плохо станет?

- Да ви не волнуйтесь! - проворковала медсестра широко улыбаясь, ви тут ни при чём. Это, должно быть возрастное - инфаркт называется.

- О! Инфаркт. - согласился врач,

- Теперь это часто случается. Но в милицию сообщить всё равно придётся. Ви не волнуйтесь, это так, для порядку. Ваши фамилии и адреса.

- Одного адреса достаточно будет? - спросил Роман. - у меня документы с собой, возьмите.

Медсестра достала из кармана халата клочок мятой бумажки и стала царапать на нём какие-то каракули.

- Сестра, ужин стынет. - обратился к ней врач, всё это время пытавшийся нащупать навсегда затихший пульс Николая Фёдоровича.

- Сейчас, сейчас.

Медсестра отдала паспорт Роману. После чего врачи взяли тело, переложили его на носилки и очень довольные заспешили к выходу.

- Вам помочь? - Георгий двинулся к входной двери, чтобы открыть её,

- Ничего, ничего...теперь уж мы сами управимся.

- До свидания...

- Ага, до свидания, ещё увидимся. Звоните, если что...

И они вышли вон из дома.

- Рома, тебе врачи не показались странными? - спросил Георгий, когда они остались вдвоём.

- С какой стати? - спросил Роман. - Врачи как врачи. Привыкли они ко всему этому, да и время позднее, Мне они наоборот понравились. Вопросов задавали немного, дело сделали и ушли. Нам, кстати, тоже пора.

Георгий подошёл к окну и выглянул на улицу.

- Что-то их машину не видно. Где они её оставили, во дворе?

- Какая разница? Что это ты так разволновался?

- Мне их лица показались знакомыми.

- А-а, - протянул Роман, присматриваясь к Георгию. - А меня другое беспокоит - как мы будем возвращаться? Ты же сказал, масло в движке замёрзло. Давай ключи, проверю. Он взял ключи от машины и выскочил на улицу. Через десять минут вернулся, сказал, что машину завести не смог и поскольку он теплей одет, то пойдёт на главную дорогу, и поймаёт попутку.

Георгий остался один.

Взяв портфель, ещё раз пересчитал деньги, закрыл его и положил под журнальный столик. Потом спустился в холл и проверил, заперта ли входная дверь. Оказалось заперта. И тут он вспомнил о старике, что скрылся за одной из дверей холла. Он подошёл к крайней справа двери и осторожно открыл её. Это оказался чулан, забитый

старым хламом. В глубине его виднелась ещё одна дверь, но Георгий не стал туда заглядывать. Он вышел и потянул за собой дверь, но она зацепилась вверху за что-то. Он потянул сильнее - она поддалась, вверху шёлкнуло, и тут же перед лицом Георгия пронёсся какой-то предмет и стукнул об пол, издав металлический звон. Чиркнув спичкой, он увидел вонзившийся прямо у ног здоровенный топор с широким отточенным, словно бритва, лезвием. Взглянул вверх и обалдел - потолка у чулана не было, а была чёрная пустота. Ударив по древку топора ногой, он отшвырнул его в сторону, выскочил из комнаты и с силой захлопнул за собой дверь.

"Что это такое?" - удивлённо произнёс он вслух. - "Здесь что, потолка нет?" Он снова приоткрыл дверь и, не просовывая голову в чулан, посмотрел вверх. В таком положении, даже зажигая спички, он, конечно, ничего разглядеть не мог. На этот раз он прикрыл дверь осторожно и тихо пошёл к лестнице.

"Ничего," - успокаивал он себя, оглядываясь назад, - "сейчас подъедет Рома, и мы уедем отсюда."

Поднявшись в гостиную, он подошёл к окну и выглянул на улицу. Под тёмным, безлунным небом слабо вырисовывались бесцветные, призрачные домики. Казалось, они жались друг к другу от холода. Меж ними извивалась замёрзшая дорога. Романа нигде видно не было. Георгию на миг показалось, что он его не увидит уже никогда, что время замёрзло и ночь эта вечна. Но тут же попытался отогнать эту мысль, успокаивая себя тем, что главное сделано. Николай Фёдорович мёртв, деньги его здесь, и никто их у него не отнимет, и ни в чём не заподозрит. Всё получилось точно, как было задумано. Немного успокоив себя, он решил достать из комода всё, что осталось от куклы, и забрать с собой, когда Роман поймает машину. Но у входа в спальню Георгий остановился, как вкопанный.

На кровати сидела кукла.

Он отлично помнил, что она была разобрана и лежала в комодке.

"Как же она оказалась здесь?" - напряжённо соображал он, оглядываясь вокруг, но не смог найти ответа, отчего на душе сделалось тоскливо и неудобно. Куклу нужно было разобрать и сложить в мешок, но прикоснуться к ней Георгию почему-то не хотелось. Наконец, он толкнул её рукой в плечо. Кукла шатнулась и свалилась на спину. Тогда ему стало немного легче. Он разобрал её и, сложив всё в целлофановый мешок, вынес его в гостиную. Постоял немного, прислушиваясь, потом заглянул в смежные комнаты. После этого вернулся и сел в кресло. И сразу же почувствовал усталость. Она нахлынула на него неожиданно, как снежная лавина. Закрыла ему глаза, расслабила руки. Сквозь мглу, в которую он окунулся, сначала проступили красные пятна, затем появились очертания светлой комнаты. Откуда-то доносились детские голоса. Дверь соседней комнаты отворилась, и вошла миловидная девушка. Она посмотрела на Георгия и улыбнулась.

- Чего ты тут ждёшь? - еле слышно спросила она.

- Ничего... Мне домой надо попасть, - сказал Георгий и не услышал своего голоса.

- А почему тогда стоишь? Это ведь рядом. Пошли, я провожу.

Георгий стоял, не двигаясь. Тогда она подошла к нему и, взяв за руку, потянула за собой. И он послушно пошёл за ней. Они вошли в соседнюю комнату, прошли её до конца, отворили ещё одну дверь, оказались в узком коридорчике. В конце его вверх поднималась лестница.

- Ты кто? - спросил её Георгий.

- А разве ты меня не узнал? - она загадочно улыбнулась. - Ведь мы уже не раз встречались.

Поднявшись по лестнице, они оказались в небольшой комнатке, прошли её и очутились ещё в одной, пустой, с двумя дверьми. Тут свет стал постепенно меркнуть. Девушка подошла к одной из дверей и толкнула её. За ней оказалась темнота. Не выпуская руки Георгия, она шагнула вперёд. Георгий остановился, не желая следовать за ней.

- Ну, что ты упёрся? - возмутилась девушка. - Мы уже почти пришли.

Она повернулась к нему, и Георгий отшатнулся. На голове у неё появилась медицинская шапочка, а лицо приобрело синий цвет, чёрные губы искривляла гадкая усмешка.

Георгий вырвал свою руку и отпрянул назад. Девушка потеряла равновесие и бесшумно упала в черноту, и уже снизу, словно из пропасти донёсся её глухой смех. Дверь сама собой захлопнулась, и стало совсем темно. Георгий постоял немного, соображая, что с ним происходит, но так и не понял. И тут совсем рядом почувствовал чьё-то дыхание, и затем нечто холодное прикоснулось к его шеи. Георгий вскрикнул и бросился бежать. Он бежал, он проносился по каким-то коридорам, оказывался в неизвестных ему комнатах. Спотыкался, падал. Свет то появлялся, то исчезал, и всю дорогу сзади он ощущал преследование. Он задыхался, он терял силы. Споткнувшись перед одной из многочисленных дверей попадавших на его пути, ударился о неё плечом. Дверь распахнулась, и он вывалился в соседнюю комнату. Не в силах подняться, он лежал некоторое время на полу. А когда открыл глаза, то увидел, что находится в холле того же дома. Та же лестница ведёт вверх, и тот же красный свет льётся вниз по ступенькам.

"Что это было?" - приходя в себя, пытался сообразить он. "Я заснул... Но как оказался здесь? И эта погоня..." С трудом встав на ноги, он обернулся к двери из, которой только что вывалился. "Пожалуй это был не сон или сон но на половину".

Дрожа всем телом, он медленно поднялся по лестнице.

В гостиной вроде бы всё было по-прежнему.

Но только что это? В том кресле, что он недавно покинул, сидел кто-то. Сделав вперёд два шага, Георгий остановился.

Это была кукла.

Она развалилась в кресле. Её руки в чёрных перчатках твёрдо упирались в подлокотники. Георгий оглянулся по сторонам - в комнате никого не было. Он забежал в соседние - тоже никого. Вернувшись в гостиную, он осторожно подошёл к кукле. Она продолжала сидеть на кресле, дерзко уставившись на него слепыми дырками глазниц, как бы бросая вызов. Не выдержав этого зрелища, Георгий ударил ногой по её сапогу. Сапог повис на материале, вывалившемся из ноги куклы.

"Кто здесь шутит со мной?" - глухим голосом спросил Георгий и оглянулся. "Эй! Что вам надо?" - позвал он громче, и эхо откликнулось ему снизу.

Кровь стучала в его висках. Боль в голове, к которой он уже привык, вновь дала о себе знать. Как дикий зверь, набросился он на куклу и разорвав её на части, разметал их по комнате. Тут он вспомнил о деньгах. Бросился под столик. Портфель был на месте. Он достал его, заглянул внутрь и пересчитал пачки. Продолжая держать портфель, прошёл в спальню к телефону и набрал номер.

- Алло, - услышал он в трубке звонкий женский голос.

- Сергея можно к телефону'? - спросил он, тяжело дыша в трубку.
- Одну минутку, - любезно отозвались в трубке. - сейчас спрошу. - и обратившись к кому-то невидимому голос спросил: - Стёпа, Сергей к нам не поступал? - и затем вновь, обращаясь к Георгию. - Как его фамилия?

- Фамилия? - опешил Георгий. - Погодите, это не квартира?
Из трубки раздался радостный смех.

- Какая ещё квартира? Это морг.

- Морг?! И-извините... Я ошибся...

- Да не ошибся ты, Жора! Правильно попал, только рано что-то. Мы тебя позже ждали. А насчёт Серёжи ты зря беспокоишься. Он тебе вряд ли поможет.

- Какой ещё морг? Что за шутки? Кто это?

- Опять не узнал! - веселилась трубка - Ну, это уже совсем некрасиво. Слушай, ты говорят, разбогател сегодня?

От этих слов у Георгия внутри что-то оборвалось. - Кто говорит? - холодея спросил он.

- Что, испугался? - продолжала издеваться трубка. - Отвечать придётся!

Георгий онемел. "Попался!" - запрыгало у него в голове. Он стукнул по выступавшим кнопкам ладонью. "Кто это говорил? А может просто ошибка, ведь никто не знает... Кто может знать? Никто!"

Георгий лихорадочно задёргал диск телефона, и вдруг понял, что телефон не работает. В трубке не было слышно никаких звуков. Он несколько раз ударил по кнопкам рукой, телефон съехал на край стола и упал. Крышка отлетела от основания, и Георгий увидел, что внутри он был совершенно пуст.

"А как же он работал?" - спросил он себя в слух, взял шнур в руки и опустившись на колено, посмотрел, куда он уходит. Шнур опускался до пола и по плинтусу уходил влево к стене, но там обрывался, и его оголённые проводки торчали в разные стороны. Георгий поднял развалившийся аппарат и ещё раз осмотрел его внутри - там ничего не было. Поставил корпус на стол и вдруг услышал из трубки громкий гудок. И следом хриплый мужской голос позвал его:

"Жора, слышишь меня?"

- Слышу... - ошалело ответил Георгий.

- Жора, помоги мне, - застонала трубка. - Это я, Николай Фёдорович. Мне плохо, я умер. Ты знаешь, что случилось с моим сердцем? Оно разорвалось на части. Я знаю, это ты всё устроил. Но я на тебя не в обиде и даже хочу сделать тебе подарок. Слушай!

Тут Георгий услышал в трубке стук сердца, тот самый. Громкость его нарастала с каждым ударом, заставляя вздрагивать корпус телефона. Георгий швырнул трубку на пол. Шнур метнулся следом, увлекая за собой корпус. Тот опрокинулся и нырнул со стола, а под ним Георгий в изумлении обнаружил красное бьющееся сердце.

С криком он опрокинул стол и отскочил в сторону. Сердце пропало где-то внизу, но стук его слышался отовсюду. Георгий сжал руками уши, и выскочил в гостиную. Плотнo закрыв за собой дверь, он оглянулся кругом и вновь обмер. На стуле, у лампы, сидела кукла.

"Эй! Что вам надо от меня?" - с надрывом крикнул он, и крик его заглох в стуках сердца. Теперь это был стук его собственного сердца. Он понял это вдруг. Он пытался успокоить его. Но оно не слушалось, наращивая свой бешеный ритм. Он бросился вниз по лестнице, открыл дверь и выскочил во двор, и мороз впился в его тело. Он

бежал вниз по дороге к фонарю, который горел в самом начале посёлка, пока не почувствовал, что замерзает. Тогда он остановился. Холод несколько успокоил его.

"Куда это я бегу?" - спросил он себя, стуча зубами и плотнее запахивая полы курточки. - "Что это случилось со мной такое? Ведь, это просто какой-то бред. Что я видел только что? Что-то паскудное... Ах, да, куклу!" - и от мысли этой он тут же почувствовал, как к внешнему холоду, добавился безжалостный внутренний.

"Но я же сам её сделал! Чего я её так испугался? Вот ерунда! Это шутит кто-то... Шутит!" - успокаивал он себя, и тут его осенило. - "Мальчишки! Конечно, мальчишки! Они заглядывают в окна и грабят. дома Грабят. Стой! Деньги! Где деньги?! Я же оставил там деньги!" - Георгия словно пробило электрическим ударом. Забыв обо всём, он бросился обратно.

"Деньги... Деньги..." - иступлённо повторял он, глотая холодный воздух.

- "Чёрт! Как же я их забыл?! Я только найду и заберу деньги. Только заберу деньги..." - Он остановился у двери и протянув руку схватился за ледяную ручку.

"Только заберу деньги." - повторял он как заклинание, выпуская изо рта клубы пара. Решившись, он наконец, открыл дверь и осторожно вошёл в дом окунаясь в приятную теплоту.

"Да ничего там такого нет!" - сказал он, подбадривая себя и направляясь к лестнице, но тихий щелчок, раздавшийся сзади в замке, заставил его замедлить шаг и обернуться назад.

"Ерунда. Бывает. Всё в порядке" - сказал Георгий, чувствуя, что всё именно в полном беспорядке, что нужно убираться отсюда подальше и как можно скорей, иначе, с ним может произойти нечто ужасное. Но именно это ужасное его и притягивало как магнитом и ноги уже сами несли его вперёд. Совершенно потеряв над собой всякий контроль и подчиняясь какой-то неведомой силе, влекущей его вверх, он словно в полусне прокрался по лестнице на второй этаж и заглянул в комнату.

Стул, что стоял рядом с лампой, был пуст.

"Ну вот, куклы нет!" - Георгий потёр холодные руки. - "Прекрасно. Значит, мне всё привиделось." - сказал он довольно озираясь вокруг.

Он заглянул под стул, бегло осмотрел комнату.

"Где же я оставил портфель? В спальне?"

В спальню ему заходить не хотелось. Её дверь была открыта, и он заглянул туда издали. Несмотря на темноту, разглядел кровать и часть комода. На стене мелькнула чёрная тень. Георгий не мог понять, показалось ему это или нет. Затаив дыхание, он приблизился к дверному проёму, заглянул внутрь и отшатнулся. За столом (стол был на месте) нелепо вывернув носки сапог, сидела кукла. Правая рука её лежала на ручке портфеля, который она держала на коленях, левая же сжимала трубку телефона.

Наконец, совладав с собой, Георгий отлепился от дверного косяка, за который держался руками, и попятился назад.

"Что же здесь творится такое?" - шёпотом проговорил он оглядываясь и прислушиваясь к тишине. Со стороны спальни послышался слабый шорох и за ним лёгкий скрип. Прекратив дышать и до судорог напрягая мышцы ног, Георгий, словно кошка, бросился вниз по лестнице, но прокравшись до середины остановился как вкопанный, потому что одна из дверей холла бесшумно распахнулась и в самое лицо Георгия дохнуло могильной сыростью, а в чёрном дверном проёме постепенно стало проявляться ещё более тёмное пятно приобретающее подобие человеческой фигуры.

"Э-э, да туда нельзя..." - тихо прошептал он себе и крадучись вернулся в гостиную.

"Туда нельзя," - повторил он, оглядываясь вокруг. - "Куда же можно?"

Он на цыпочках подобрался к спальне и снова заглянул в комнату. Но куклы уже не увидел. А выпрямившись, ощутил сзади чьё-то присутствие. Холодея, обернулся и, вскрикнув, отскочил в сторону.

За спиной его, почти вплотную, стояла кукла, а в руке сжимала длинный нож со сверкающим лезвием. С глухим криком, похожим на стон, Георгий бросился в спальню и, оглянувшись, увидел, как она появилась в дверном проёме, быстро передвигаясь на не сгибающихся ногах. Из спальни Георгий перебежал в смежную комнатку. В ней было бы совсем темно, если бы не большое окно, почти во всю стену, через которое внутрь вливался бледный звёздный свет. Но прежде чем он нашёл отсюда выход на узкую лестницу, ведущую вниз, дверь распахнулась, и в комнатку бесшумно вошла кукла. Георгий споткнулся и упал. Кукла стремительно приближалась. Перед глазами Георгия появился мерзкий туман. Он пополз к выходу, и рука его наткнулась на гладкий деревянный предмет. Не соображая, что бы это могло быть, он схватил его, пытаясь использовать для защиты, и в последний момент, когда чёрная фигура подошла совсем близко, разглядел, что держит топор, тот самый, что попался ему в чулане. Не задаваясь вопросом, как он мог оказаться здесь, Георгий взмахнул страшным лезвием и разом отсек кукле ногу, та охнула и села на пол, вонзив свой нож рядом с ногами Георгия. Георгий вскочил на ноги и с рычанием бросился на куклу, разрубая её в куски. В считанные мгновения с куклой было покончено. Но что это за запах появился вокруг и почему оказались липкими руки?

"Это что, кровь?" - спросил себя Георгий, поднося к лицу руку. Он зажжёт спичку и увидел вокруг багровые пятна.

"Откуда у куклы кровь?"

Он наклонился и поднял с пола отсечённую голову куклы. Стянул с неё маску и остолбенел. В руках он держал голову Романа. Вздрогнув, она выпала из слабых рук и покатила по полу. Не в силах закричать, Георгий выскочил из комнаты.

"Так вот, значит кто меня мучил!" - сказал он задыхаясь. - "А-а, понимаю. Хотел прибрать все денежки. Ты знал, что у меня расшатаны нервы, что у меня галлюцинации, и хотел доконать. Сволочь! Не вышло! Хотя, конечно, я мог и свихнуться, если бы не попался топор. Погоди-ка, откуда там взялся топор? Вроде он был похож на тот в чулане. Ладно, ну всё к чёрту! Надо что-то делать. Найти деньги? Нет, кровь, Надо убрать кровь и тело, вернее, всё, что осталось от тела."

Георгий забежал в гостиную, отыскал целлофановый мешок и вернулся в комнатку.

Шаря по полу липкими руками, он собрал разрубленные части тела и сложил их в мешок.

"Кровь потом вытру," - сказал он и спустился вниз по запасной лестнице. Прошёл по узкому коридорчику и оказался в холле. Достав из кармана брюк ключи, он открыл парадную дверь и вышел во двор.

"Так, нужна лопата." - Георгий остановился оглядывая двор. - "Где же я её видел? В чулане?" Он бросил мешок на снег и заскочил в дом.

"В чулане, кажется, там."

Открывая дверь чулана, он обо что-то ею ударил и прямо к его ногам, поднимая облако пыли, рухнула груда лопат разных форм и размеров.

"Однако." - пробормотал удивлённо Георгий. Выбрав лопату покрепче, он вышел во двор.

Мешка на снегу не было.

На том месте, где он только что лежал, осталась примятость на снегу и тёмное пятно от крови, от него же в сторону сарая вели круглые следы валенок. Замирая от волнения, он приблизился к сараю и толкнул от себя деревянную дверь. И прямо перед собой увидел старика. Он стоял у перегородки, за которой колыхалась пятнистая масса. Старик, казалось, не заметил вошедшего. У ног его лежало глубокое корыто, оттуда он доставал куски мяса и бросал их за перегородку. В очередной раз, опустив руки в корыто, он достал оттуда круглый предмет. Приглядевшись, Георгий узнал в нём голову Романа, на ухе которой болталась белая маска. Старик отцепил маску от уха и аккуратно положил на лист газетной бумаги, разостланный у корыта, где уже лежало какое-то окровавленное тряпьё. Георгий пошатнулся и отступил в сторону. Справа что-то мелькнуло, он оглянулся.

Под потолком, рядом с тусклой лампочкой, висел обнажённый труп мужчины. Ступней у трупа не было, а мышцы голеней были содраны до костей, в руке он сжимал телефонную трубку. Всмотревшись в лицо повешенного, Георгий выпучил глаза. Это был Николай Фёдорович, причём губы его, как показалось Георгию, шевелились. Тут масса за перегородкой колыхнулась, ухнула и выбросила вверх гигантское свиное рыло. Перегородка крикнула под её тяжестью и зашаталась. Маленькие глазки сверкнули, поймали глаза Георгия и вонзились в них своим взглядом. Георгий попытался отвести глаза, но не смог. Ноги его стали деревянными, а по телу пробежала холодная судорога. Тут пасть свиньи раскрылась, и он услышал неестественный густой, будто из бочки, голос: " Он нам подходит."

Старик затрясся, закивал головой и издал глухой, каркающий звук. Было непонятно - смеётся он или кашляет, Он нагнулся, связал то, что лежало на тряпке в узел, выпрямился и двинулся к Георгию. Задыхаясь от страха, Георгий взял лопату наперевес. И, когда старик подошёл ближе, размахнулся и ударил его по шее металлическим ребром. Голова старика на удивление легко отделилась и отлетела в сторону. Из отрубленной шеи брызнула кровь, но, оставаясь без головы, старик не остановился, а подойдя к Георгию, одной рукой вырвал у него лопату, а второй всунул ему в руки узел. В голове у Георгия бушевала настоящая буря, он уже ничего не соображал, а видел лишь пульсацию кровавой струи бьющей из разрубленных артерий на шее старика. Из горла Георгия вырвался дикий крик, оцепенение спало с ног, и он бросился к выходу. Выскочив во двор, он побежал к дороге. Но на пути его, прямо из снега, выросла обнажённая женщина с невидящими белыми глазами; подпрыгивая на месте, она раскинула когтистые руки, преграждая ему путь. Георгий шарахнулся от неё вправо, при этом резко оглянувшись назад, заметил, что из сарая, следом за обезглавленным стариком, словно на ходулях, выскочил труп Николая Фёдоровича.

Бросившись вдоль дороги к посёлку, Георгий помчался, что было сил. Ледяной ветер щипал кожу, пронизывая до костей. Но он не обращал на это внимание. Ноги неслись сами, подгоняемые безотчётным животным страхом. Неожиданно снег на его пути вздыбился, и перед ним вновь выросла синяя ведьма. Георгий кинулся вправо по узкой дороге, сжатой двумя рядами одноэтажных и безлюдных в это время года домиков. Следом за ним, сотрясая землю и делая гигантские шаги, нёсся обнажённый труп на изуродованных ногах. Добежав до конца улочки, Георгий увидел свет. Он

выбивался из окон дома стоящего в правом ряду. Закричав "помогите" он рванул на себя калитку и забежал во двор. Когда же он подскочил к дому, дверь веранды открылась, и на пороге появилась женщина с дымящейся кастрюлей. Увидев Георгия, женщина отступила назад.

- Помогите! - выкрикнул Георгий, задыхаясь и оглядываясь назад, - За мной гонятся. Женщина посмотрела на дорогу и на Георгия и, шагнув внутрь, крикнула: - Степан! Когда на веранду вышел Степан, Георгий уже закрывал за собой дверь.

- Что случилось? - спросил он, дохнув на Георгия перегаром и выглядывая во двор. Георгий так же выглянул во двор, прячась за его широкую спину.

- За мной гонятся...

- Нет там никого, - сказал Степан, поворачиваясь к Георгию. Тут на веранду вышли ещё двое: пожилой мужчина, с седой бородкой и в очках, и помоложе, плотный и коренастый, с красным лицом.

- За мной гнались, - отдышавшись, повторил Георгий. - Трое...

Вид у Георгия был не хорош: волосы взъерошены, лёгкая курточка расстёгнута, на вылезшей из-под брюк рубашке пятна крови.

- Кто гнался? - спросил с бородкой.

- Трое...

- А ну, я посмотрю, - решительно вызвался краснолицый. Он схватил стоящий в углу веранды топор и, накинув на себя телогрейку, выскочил во двор.

- Стёпа, вы заходите что ли, - сказала женщина, вытирая полотенцем руки.

- Ну, давай проходи, - сказал Степан, хлопая Георгия по плечу и ещё раз выглядывая во двор.

Тут же подскочил тот, с топором.

- Пусто, никого не видать, - сказал он, разглядывая Георгия.

- Давай, заходи, и дверь закрывай, - сказал Степан, и все прошли в комнату, которую освещала одна неяркая лампочка, висевшая на середине низкого потолка под железной тарелкой. Окна немного прикрывали простенькие серые занавески. Подальше от входа располагался низкий стол на коротких толстых ногах. В комнате были двое - бабка с дедом. Дед сидел за столом, а бабка выглядывала в окно. Увидев вошедших, она отошла от окна и, поправляя передник, спросила: " - Чего там такое случилось, Стёпа?"

- Да ничего, всё в порядке. За человеком вот кто-то гнался.

Краснолицый и с бородкой прошли к столу и сели.

- Прходи, садись, - сказал Степан, подталкивая Георгия к столу. - Валентина, принеси гостю тарелку.

- Что это вы держите? - обратилась к Георгию Валентина. - Давайте, я на веранде оставлю.

Тут только Георгий заметил, что продолжает держать в руках навязанный стариком узел.

- Можно? - спросила она, принимая из рук Георгия узел. Георгий не знал, что ему ответить. И женщина, взяв узел, вышла из комнаты.

- Тебя как зовут-то? - спросил Степан, проводя его к столу и усаживая в центре.

- Георгий... Я с товарищем заехал сюда. У него дом здесь. - Георгий махнул неопределённо рукой. - А обратно ехать стали, движок заглох. Он пошёл попутку ловить, а я остался один... Ну, тут эти и напали...

Валентина принесла тарелку и, набрав из кастрюли пельмени, поставила перед Георгием.

- А кто напал-то? - спросил дед.

- Не знаю... Не разглядел, - ответил Георгий, тупо глядя в тарелку.

Сидящие переглянулись.

- А ну-ка! - Степан взял со стола бутылку, сполоснул стаканчик и, налив в него, поставил перед Георгием. - Давай, не стесняйся. Замерз, поди, в такой мороз.

Георгий выпил и сморщился, потому что это была не водка, а какой-то спиртовой суррогат пахнувший резиной. Остальные выпили тоже.

- Эх, времена! - воскликнул тот, что был в очках - Озверели люди. Сейчас и в городе такое же творится. Ограбления, убийства. Кривая преступности резко пошла вверх.

- Верно! - подхватил Степан. - Полный бардак, никакого порядка. Раньше и воровали-то, как-то боялись, а сейчас несут все, кому не лень. Вот, пожалуйста, - он поднял со стола мутную бутылку без этикетки. - из травильного цеха. Жидкость для клопов. Ха-ха.

- Во хорош! - всплеснула руками Валентина. - Чего ж тогда ругаешься, если сам хвастаешь? Молчал бы.

- Буду я молчать! Другие цистернами тащат, вот это да! А это что - ерунда. Пара литров - потравиться прихватил. Водку-то сейчас не купишь. Поди - найди, а чем мы хуже клопов?

- Ты нас когда-нибудь всех поотравляешь своей клопиной жидкостью. - недовольно буркнула Валентина.

- Чего шумишь? Не хош - не пей. Здесь, между прочим, чистый спирт... Почти.

- Да чего будет? - вмешался в разговор краснолицый. - ничего не будет. Сколько пьём, не померли же. Мишка вот, так он вообще уже готовый продукт выпил. Ничего, живой.

- Как же, - проскрипела бабка. - ведь в больнице лежит.

- Да это по другой причине. Рэкетеры отделали.

Валентина снисходительно хмыкнула: - Нужен он рэкетирам. Сказал тоже. Чего взять с твоего Мишки? У него ценностей - телогрейка на меху, да батарейка - Люська.

- Ну чего свистишь, чего ты знаешь? - обиделся краснолицый. - У него в погребе, между прочим, спирту... Литров за сто.

- Откуда это и зачем ему столько?

- Скажешь тоже, зачем! Ясное дело... С работы натаскал, на пенсию, говорит, копит.

- Ну, что, ещё по маленькой? - сказал Степан, обращаясь к Георгию. - А ты чего молчишь? Давай рассказывай. Кто такой? Откуда?

- Здесь я, недалеко живу...- сказал Георгий, Он не знал, стоит ли ему рассказывать об увиденном, справедливо предполагая, что его попросту могут принять за сумасшедшего. Но мучимый пережитыми страхами, наконец не выдержал.

- Я вам не всё сказал... - начал он с дрожью в голосе. - Вы мне можете не поверить... Понимаете... Я разглядел тех, кто гнался за мной. - за столом образовалась тишина. - Это были не люди. Я не сумасшедший... Я сразу не сказал, боялся, что не поверите. Я их видел вот так, как вас. Это были призраки... или чёрт его знает, что... но это были не люди... Один был вообще без головы...

- Ну ты, брат, даёшь! - хохотнул краснолицый.

Степан, хмыкнув, промолчал и разлил по стаканам. Бабка заёрзала на стуле от страха, прикрывая раскрывающийся рот ладонью.

И тогда в разговор вмешался очкастый: - Нет, Зот, это очень даже может быть.

Я в этом не сомневаюсь, и в вашей нормальности тоже, - и он кивнул в сторону Георгия. - Вам известно о существовании так называемых оккультных наук? Недавно, мне удалось познакомиться с ними достаточно близко. Так, вот, они как раз и дают на многие неясности очень даже оригинальные ответы, правда, не на все, но, что самое интересное, они не только допускают, но и утверждают существование потустороннего мира.

- Так что же, Евгений Сергеевич, существует и сатана, и ад? - спросила Валентина, устраиваясь поудобнее и готовясь к интересному разговору.

- Представьте себе, существуют, но только не в том виде, в каком они описываются в сказках или преданиях.

- Не знаю, не знаю. - сказал Зот. - Всё это ерунда, по-моему. Всякие там хиромантии, колдуны, экстрасенсы.

- Нет, Зот. Вообще-то в этом что-то есть. - заметила Валентина. - Я помню, в детстве мы вызывали духов. Страху было! Мы зажигали свечи и смотрели в зеркало и если долго смотреть, то появляется какое-нибудь...

- Нет, нет и нет. - замахал руками Евгений Сергеевич. - Силы тьмы, или как вы сказали, духов, вызвать можно, но только для этого не нужно никаких свечей, зеркал или заклинаний. Всё это детские сказки, и ничего серьёзного за этим не стоит.

- А как же тогда это можно сделать? - спросил Георгий, напряжённо слушавший разговор.

- И просто, и нет, - с готовностью ответил Евгений Сергеевич, торжественно оглядывая присутствующих. - Видите ли, для этого необходимо замыслить зло. Ну, скажем, пожелать кому-нибудь смерти, но не просто пожелать, а всем сердцем, всей душой!

- Всем сердцем,- повторил, как, эхо Георгий.

- И вот, когда желание это станет частью вашей жизни, будет биться в ритм с вашим сердцем, и явятся те самые силы или, как сказала Валентина, духи. - И Евгений Сергеевич засмеялся.

- Это вы, конечно, интересно рассказали, - заметил Зот. - но где доказательства? Где те люди, которые смогли вызвать этих самых духов?

- А кто тебе сказал, что их нет? Они есть. Только кому охота рассказывать об этом, да и поверить в такое трудно. А кроме того... - Евгений Сергеевич сделал паузу, бросив взгляд в сторону Георгия, - кроме того их забирают.

- Куда? - удивилась Валентина.

- В ад, если угодно. Но, конечно, это не совсем то, что вы себе представляете. Нет там горячих котлов и пламени. Да-с. Вот так вот... - Евгений Сергеевич многозначительно посмотрел на окружающих и добавил. - Их забирают, вроде как в благодарность за предоставленную возможность проникнуть в этот мир. Правда, в том случае, если кандидатура подходящая.

- Да что вы такое говорите? Какая ещё, кандидатура? - недоверчиво улыбаясь спросила Валентина. - Что, на работу их берут, что ли?

- Ну, как бы это сказать. Люди бывают разные. Характер, знаете ли, темперамент, внутренняя энергия наконец. Такие, кто бы мог возвращаться обратно и собирать урожай.

- Урожай? Какой ещё урожай? - не выдержал Георгий.

- А разве я не сказал? Гмм... Дело в том, что люди, живущие здесь, являются пищей для живущих в том мире.

- И что же они едят? - спросила облизываясь Валентина.

- Их кровь и плоть, но, главное - души. Души - это особенный там деликатес.

- Да, души! - повторила Валентина.

- Ох, Женя, и страсти ты тут рассказываешь! - возмутилась бабка, поглядывая на деда.

- Да, знаешь, ты чего-нибудь попроще давай. Будет сказки рассказывать. - вмешался дед.

- Какие же это сказки? - обиделся Евгений Сергеевич.

- Ну что вы, Митрофан Матвеевич, - возмутилась Валентина, - в самом деле! Это же интересно!

- Нашла интересное! - набросился на неё дед. - Ты бы вон за пельменями лучше следила бы. Лепить ни хрена не умеешь. В рот не засунешь. А то ей сказки подавай.

Дед уже открыл, было, рот, чтобы продолжить, как бабка с силой толкнула его локтём в бок, тот крякнул и замолчал.

В комнате что-то ударило и заскрежетало, и следом раздался бой часов.

Пробило три.

- Уже три ночи, - удивился Георгий, разглядывая массивные маятниковые часы, висевшие за его спиной.

- Что, к мамочке захотел? - вдруг резанула Валентина, глядя прямо в лицо Георгию пьяными глазами.

Георгию показалось, что он ослышался. Тут в комнате раздался хохот.

- Го-го-го, - гоготал Степан, откинувшись на спинку стула. - Время подавать десерт, - сказал он, нахохотавшись, и хлопнул по столу ладонью так, что зазвенела посуда.

Валентина тут же встала и вышла из комнаты.

- Ты, брат, не тужи, - обратился Степан к Георгию. - Можешь до утра оставаться у нас, а там катись, куда надо.

- Спасибо, - тихо поблагодарил Георгий.

- А я вот что не понял, Евгений Сергеевич. - решил продолжить прерванный разговор Зот. - Вы говорите, их забирают в благодарность. А может им этого и не нужно. Их самих-то об этом спрашивают?

Это замечание почему-то сильно раздражило Евгения Сергеевича.

- А чего их спрашивать! - зло крикнул он и очки покосились на его носу, а лицо тут же сделалось красным. - Чего они могут понимать, эти козявки?! Им такое счастье выпадает, а они ерепенятся! Нечего их спрашивать. Заслужил счастье - получай! Этим мерзавцам ещё приёмы устраивают, кормят, понимаешь ли, объясняют, что к чему, распинаятся перед ними, а они ещё выбирать будут!

Зот расхохотался.

- Вы, прям, так говорите... Откуда вам всё это известно?

Евгений Сергеевич, почувствовавший, что не сдержался и выглядел при этом не совсем красиво, резко смягчился и даже попытался улыбнуться.

- Как же откуда... - сказал он растерянно улыбаясь и поправляя очки. - Я же говорил, прочёл много... Много прочёл я...

- И всё-таки, я не всё понимаю. - продолжал неугомонный Зот. - Вот вы говорите: пожелать кому-нибудь зла, замыслить убийство. Но ведь есть такие люди, кто вообще ни о чём не задумывается. Такому человека убить, что муху раздавить.

Евгений Сергеевич хитро улыбнулся.

- Вы так полагаете? Поверь мне, и такие чувствуют. И ещё как! Несколько по-иному, конечно, но чувствуют. Вроде, как собаки...

- Да, да, чувствуют. - влезла в разговор бабка, кивая с видом знатока. - как собаки, точно!

В комнату вошла Валентина и внесла на здоровенном подносе запечённую свиную голову. Нос защекотал приятный аромат. Бабка живо придвинула к себе тарелку и, жадно глядя на поднос, громко зачмокала языком.

- Какой же это десерт? - вполголоса спросил Георгий.

- А чего тебе не нравится? - вдруг рявкнул дед, выкатывая глаза. - Десерт, как десерт, а не хочешь жрать, иди отсюда - тебя не звали.

- Ну - ну, отец, - успокоил зарвавшегося деда Степан, похлопывая его по руке.

Дед насупился, бросая недовольные взгляды в сторону Георгия.

Вы меня извините, я не хотел вас обидеть, - оправдывался Георгий, удивляясь вспыльчивости старика.

- А мне этот нравится, - сказала вдруг бабка, показывая на Георгия пальцем. Взяла со стола бутылку, налила в стакан до краёв и, широко открыв беззубый рот, махом опрокинула его. - Пусть остаётся.

Георгий как поднёс ко рту пельмень, так и застыл с открытым ртом.

- Не обращай внимания, - заметил Зот, собирая со стола крошки ладонью и бросая себе в рот. - У нас старики не совсем в уме, режут правду-матку в лоб. Что думают, то и говорят.

- А ты сам-то, что думаешь? - спросила его Валентина.

- Я-то... Что я думаю? Неплохой, думаю, малый. С Мишкой, конечно, не сравнить - пьёт слабовато. А так, ничего!... Ты кушай, кушай пельмешки, не стесняйся. - обратился он к Георгию. Сам при этом наклонил голову к столу, высунул невероятно длинный и красный язык и ловко слизнул оставшиеся крошки.

Георгий почувствовал неладное, и холодные мурашки побежали по его спине.

Тут из-за стола встала бабка.

- Ты, Валентина, молодец. - сказала она заплетающимся языком. - Предлагаю выпить тост за Валентину. Хороший ты, Валя, рыболов. Такого самца заарканила! М-мм... Обьеденье. - и уже обращаясь к Георгию добавила. - Выпей с нами, сынок, за своё здоровье.

- А я за него пить не буду. - сказал надувшийся дед. - Ежели за каждого дурака пить, сам, глядишь, дураком сделаешься.

- Ну вот, отец, завёлся! - сказал Степан. - Что он тебе, дорогу перешёл? Сидит смиренно. Глазами хлопает, сопит потихоньку носом...

- Да не нравится он мне! Зарезать да и съесть. Нечего с собой тащить. Там и без него дышать нечем.

- Вы, Митрофан Матвеевич, не правы. - заметил Евгений Сергеевич. - Съесть мы уже больше ничего не сможем - поскольку пельмени... и остальное... Да и не мы решаем такие вопросы.

- Да плевать мне на... кто решает, не решает! - совершенно одурев, заорал дед, размахивая руками и брызжа слюной. - Я б сейчас за горло раз... и туда... пополам. Кто за меня решает? Я столько лет по фронтам... Чтобы каждая шмакадявка... Да я...

Тут Валентина не выдержала, вынула из кастрюли половник, перегнулась через весь стол и с размаху хлопнула деда по голове. Брызги веером разлетелись в лица сидящих. Дед резко замолк и плюхнулся на стул.

- Правильно, правильно, давно пора! - сказала бабка и стала слизывать со лба деда растекающуюся жидкость.

Дрожа от страха, Георгий встал, прижимая руку к груди.

- Большое вам спасибо... - сказал он, выбираясь из-за стола. - За поддержку и помощь. Но мне пора идти.

- Куда это? - недружелюбно спросила Валентина, глядя на Георгия исподлобья.

- Я товарища должен встретить. Он, наверное, уже поймал машину, - тихо сказал он.

Тут все захохотали, как по команде. А Валентина, оперевшись на стол руками, привстала и, перекрывая хохот, грозно прорычала: "А десерт кто жрать будет!?"

И тут произошло ужасное - лица сидевших приобрели мертвенный землистый цвет; одежды их сморщились и обвисли и на глазах истлели, превращаясь в лохмотья; посуда со стола исчезла, остался лишь поднос с головой свиньи. Валентина вскочила, выхватила откуда-то длинный нож и, посинев лицом, вонзила его в свиную голову. Та открыла пасть - глаза её засветились, и Георгий услышал леденящий душу неестественный голос: "Ты нам нужен, брат. Внесите костюм!"

Валентина исчезла и тут же появилась, в руках она держала узел, принесённый Георгием. Он развязался в её руках сам собой, и на стол выпала маска, перчатки, пара сапог и окровавленное тряпье. Все посмотрели на Георгия и в это же мгновение перчатки взлетели в воздух, метнулись к Георгию и оказались на его руках. То же произошло с тряпками и сапогами. Они впились в его тело, срастаясь с кожей. Последней взлетела маска и влипла ему в лицо. Безумно заорав, Георгий повалился на пол, тщетно пытаясь сорвать с себя маску. Призраки взлетели в воздух, сложились в голубое пламя и молнией вонзились в дёргающееся на полу тело. Тело вздрогнуло, выгнулось, словно от электрического удара, и через минуту обмякло, будто из него выпустили воздух. Стены дома задрожали и рассыпались в прах, исчезая под снегом и унося за собой разлетевшуюся в пыль мебель. Единственное, что осталось лежать на снегу, это гигантская кукла, в рост человека, с нелепо вывернутыми носками сапог и белым лицом-маской, повёрнутым к предрассветному небу.